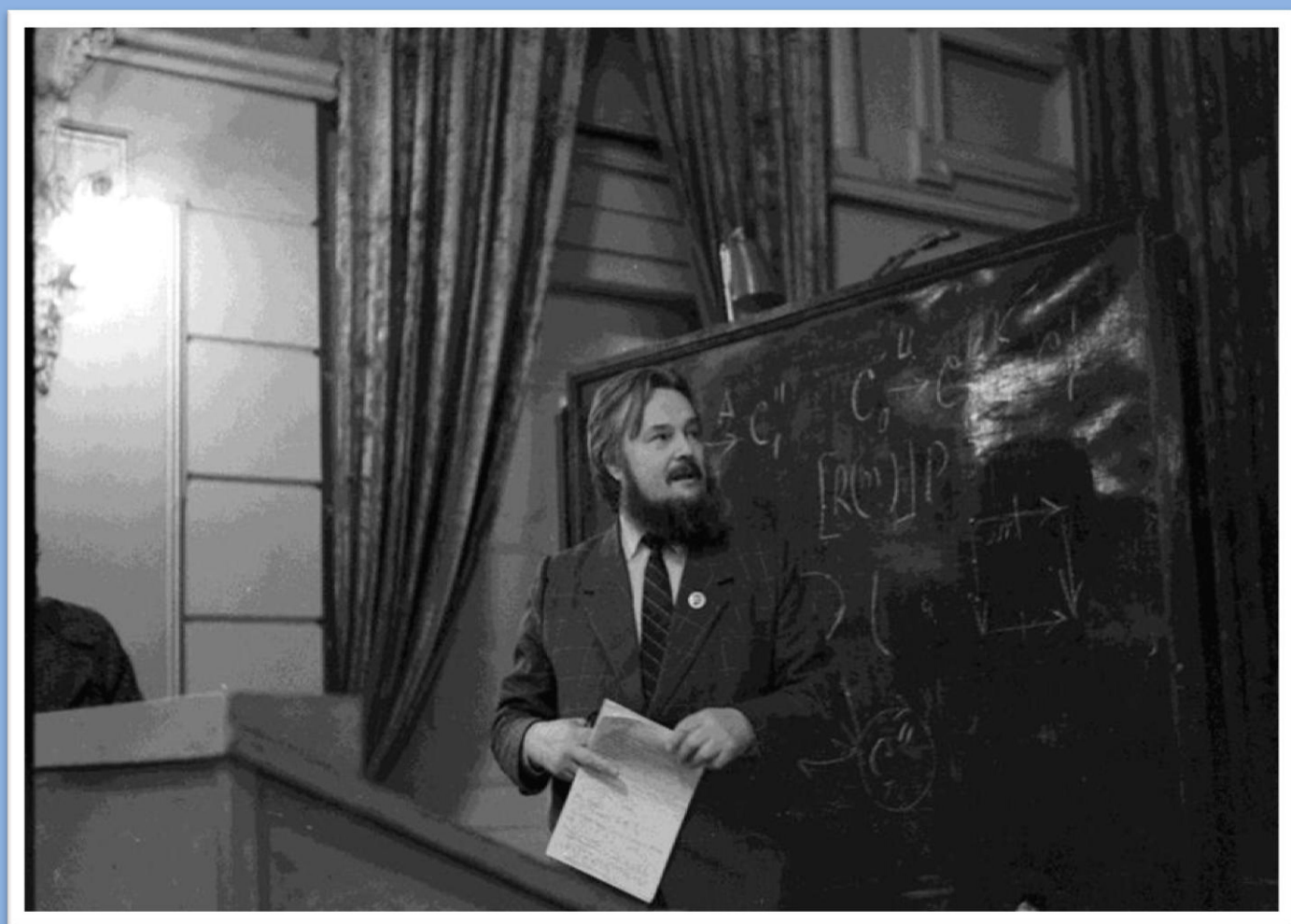

УЁМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

V

(2017)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ И. И. МЕЧНИКОВА

Философский факультет

УЁМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ V
(2017)

Материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова

Одесса – 2017

УДК 1

ББК 87

У 32

Рекомендовано к печати Советом философского факультета
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
Протокол № 6 от 16 марта 2017 г.

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент ***Л. Л. Леоненко***
(Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова);

кандидат философских наук ***Д. Н. Ляшенко***
(Одесский национальный медицинский университет);

кандидат философских наук ***К. В. Райхерт***
(Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова)
(ответственный редактор);

доктор философских наук, профессор ***Л. Н. Терентьева***
(Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова);

кандидат философских наук, доцент ***А. В. Чайковский***
(Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова).

У 32 Уёмовские чтения V (2017): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова / отв. ред. К. В. Райхерт; Философ. ф-т ОНУ им. И. И. Мечникова. – Одесса, 2017. – 79 с.

В сборнике представлены тезисы докладов, представленных на пятой международной конференции «Научные чтения памяти Авенира Уёмова».

Сборник адресован всем тем, кто профессионально и любительски интересуется современной философией.

Тексты представлены в авторской редакции. Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. За точность изложенного материала всю ответственность несут авторы.

УДК 1

ББК 87

© Авторы материалов, 2017

© Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2017

АВЕНИР ИВАНОВИЧ

УЁМОВ

(04.04.1928 –

29.05.2012)

доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии науки, промышленности, образования и искусства (Калифорния, США), академик Академии истории и философии, естественных и технических наук, академик Украинской академии экономической кибернетики, академик Международной Акаде-

мии организационных и управленческих наук, действительный член Международной академии философии. Автор 480 научных работ, в том числе 12 монографий, 5 учебных пособий, 3 из них в соавторстве. Основатель Одесской школы системных исследований (известной также как «Одесская логико-философская школа»). Научный консультант 4 докторских диссертаций и руководитель 33 кандидатских диссертаций. Создатель оригинального философского учения о вещах, свойствах и отношениях, оригинальной логической системы – языка тернарного описания, оригинальной теории выводов по аналогии и оригинального варианта общей теории систем – параметрической общей теории систем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бевзенко Л. Д.</i> Соціальність в контексті парадигми складності	5
<i>Богатая Л. Н.</i> Парадигма сложности и философия Ж. Делеза: анализ результатов «круглого стола»	8
<i>Воробьёв С. Г.</i> Еще раз о метафизике: в связи с Пьером Бейлем	14
<i>Галиновский С. А.</i> Системно-параметрический подход и проблема латентных и явных структур	15
<i>Зобенко К. И.</i> Лингвокогнитивный механизм репрезентации сознания в создании искусственного интеллекта	17
<i>Казарян В. П.</i> Эвристическая ценность Уёмовской концепции системы	20
<i>Кирилюк О. С.</i> WAS FUR EINES? «Річ» та «властивість» у філософії Г. Гегеля та «одне» як логіко-феноменологічний попередник категорії «річ»	22
<i>Кравчик М. А.</i> Метафора в религиозном тексте (на примере посланий ап. Павла)	28
<i>Леоненко Л. Л.</i> О принципе универсальности для систем с атрибутивным концептом	31
<i>Московская Е. А.</i> Особенности исследования метафоры в творчестве А. П. Чудинова	34
<i>Нерубаская А. А.</i> Бифуркации системы знаний и иллюзия знаний современного человека	37
<i>Райхерт К. В.</i> Основные сферы современных системных исследований (по И. В. Блаубергу, В. Н. Садовскому и Э. Г. Юдину) и параметрическая общая теория систем (А. И. Уёмова)	39
<i>Савусин Н. П.</i> Взаимосвязь категорий «вещь», «свойство» и «отношение» в терминах ЯТО	42
<i>Терентьева Л. Н.</i> Принцип двойственности в философском и научном мышлении	47
<i>Фалько В. И.</i> О социально-исторических и культурно-цивилизационных интерпретациях одномодусного времени	51
<i>Швец О. В.</i> Есть ли творец у законов природы?	56
<i>Шимко А. С.</i> Рефлексивно-активные среды как системы рефлексии	58
<i>Шохов А. С.</i> Взаимоэкспликация как процедура анализа терминологического базиса философских текстов (на примере некоторых терминологических конструктов Никласа Лумана)	62
<i>Щедрин А. Т.</i> Философия техники как методологическая основа постановки проблемы «СЕТІ – SETI»	64
<i>Пунченко О. П.</i> Кластерный подход как методологическая новация постнеклассической рациональности	70
<i>Сумарокова Л. Н.</i> О философских основаниях параметрической общей теории систем	74
Сведения об авторах	77

Бевзенко Л. Д.

СОЦІАЛЬНІСТЬ В КОНТЕКСТІ ПАРАДИГМИ СКЛАДНОСТІ

Про складність, складні системи, складнісно-системне мислення [1] ми зараз чуємо все частіше і вже не лише в рамках філософських розвідок. Парадигма складності починає впевнену експансію на різні дисциплінарні майданчики, спонукаючи до продукування нових концептуальних пропозицій, зокрема, і в рамках соціологічних пошуків. Але, говорячи, «складний світ», «складні соціальні системи», що ми, власне, маємо на увазі? І тут однозначності у відповідях очікувати важко. Найчастіше за цим стоїть інтуїція багатомірності, множинності зв'язків і т.і. Простіше кажучи, складність неявно переводиться в кількісний вимір. Але дедалі стає ясно, що це не зовсім так, і між простим і складним має бути принципова і очевидна різниця [2].

Що таке складність просто і однозначно дає зрозуміти в своїх роботах І. Добронравова, стверджуючи, що СКЛАДНІСТЬ – це НЕСКЛАДЕНІСТЬ [3]. І тут межа між простим і складним рельєфно проступає в тих метафорах, які супроводжують просте і складене. В першому випадку це все, до чого ми звикли з дитинства, будучи зануреними в наші культурні контексти, де складання, складеність є однією з основних парадигмальних налаштувань нашого мислення – це кубики і пірамідки, які складає мала дитина, це слова з букв, що їх складає першокласник. І це спроби знайти першоелемент, з якого складене все в світі, на чому стояла довго наука і філософія. В той час, як складність (нескладеність) в своєму метафоричному представленні – це швидше фрактали, голограми, в яких має місце синергійність, резонансність, самоподібність. Тут можна згадати ще китайські кульки, що містяться одна всередині іншої. Суть в тому, що справді складне не допускає спрощення, розбирання на складові. Названі метафори – це ті образи-сенси, завдяки яким ми можемо ввести в наш арсенал мислення парадигму складності.

Ми довгий час з великими методологічними сподіваннями говорили про системність, системне мислення. І ці сподівання не були марними, тому що апеляція до системності була кроком до опанування цілісності, розуміння пов'язаності світу. Але вже з самого початку системність – це все ж таки була складеність. Системники рано або пізно доходили думки про підсистеми, на які й розпадалася в результаті початково задекларована системна єдність. І хоча говорилося про складні системи, складність ще, як це не парадоксально звучить, була простою. Складеною. Думаю, для того, щоб відобразити в словах цей перехід, від систем складених, до систем реально складних, ми маємо говорити не про *складні системи*, а про *системи-складності* [4]. Проста перестановка, але інші акценти. Замість світу систем, які можуть бути розкладені на підсистеми, ми переходимо у світ складностей, які не втрачають властивості системної єдності, але вже принципово нерозкладні на складові. Але ці складності можуть бути вкладеними складностями – і, знімаючи одну, ми, як у послідовності цибулинних оболонок, знаходимо нову, не менш складну оболонку.

Через призму фрактальних самоподібностей запропонував дивитися на світ Бенуа Мандельброт [5]. А про суть такого погляду написав добре Ю. Данилов: «З появою фракталів з усією очевидністю стала зрозумілою обмеженість зображення природи за допомогою гладких кривих, поверхонь і гіперповерхонь. Навколишній світ є набагато різноманітнішим, і в ньому виявляється чимало об'єктів, що допускають фрактальний опис, і не вкладаються в тверді рамки евклідових ліній і поверхонь» [6]. Більше того – є підозра, що в такі описи не вкладається практично нічого. Побачити всесвіт як велику, розкішно деталізовану голограму запропонували фізик Девід Бом (учень і послідовник Ейнштейна) і нейрофізіолог Карл Прибрам. І в цьому союзі фізика і нейробіолога є глибокий символізм, що відображає те перехрестя, на якому опинилася сучасна наука, той її перехід в простір власної складності – не в плані предмету, а в плані власне устрою самого наукового простору. Фізика і нейронаука ретельно розводилися в тій парадигмі науковості,

яку ми називаємо класичною, яка була СКЛАДЕНОЮ з окремих дисциплін. Нова наука (постнекласична), що спирається на парадигму складності, сама є нескладеною. В ній все міждисциплінарно, кросдисциплінарно, трансдисциплінарно.

Як же ще можна визначити складність, якщо рухатися далі від наведеного короткого визначення в пошуках відповідних методологічних орієнтирів? Напевне, знову таки коротко, – це відхід від тієї обмеженості, тих методологічних прийомів, що базувалися на дихотомічних сітках, які, власне, і задавали початкову основу для розкладання на полярні сутності. А такі поділи, як добро та зло, війна та мир, старість та молодість, правда та неправда – основа дихотомічної розмітки соціального світу.

Одним з найбільш затребуваним в сучасній соціології понять є поняття «практик». З моєї точки зору, складність соціального світу найбільш переконливо проступає саме тоді, коли ми дивимося на неї через призму практик повсякденності. Цікаво, що В.Волков і О.Хархордін в своїй відомій роботі «Теорія практик» відмічають: «На Всесвітньому соціологічному конгресі 2006 року дебати дослідницького комітету із соціальної теорії виокремили дві основні нові теми: по-перше, як розвивався системний підхід після Лумана, і що нового привнесла теорія складності (complexity theory); по-друге, що відбулося з дюркгеймівською традицією після смерті Бурдьє» [7, с. 224]. Але, що прикметно, тут ці напрями – теорія складності і теорія практик, згадуються окремо і немає вказівки на те, що вони стають найбільш цікавими саме в поєднанні. З нашої ж точки зору, все саме так – зрозуміти суть соціальної складності можна лише «потримавши її в руках» в процесі практик повсякденності. Як же це відбувається?

Звичайно, не можна сказати, що на рівні філософських концепцій ми почули про складність світу лише зараз. Але всі ці міркування давно і впевнено існували в високих матеріях філософських пошуків, а от життя, повсякденність йшли своєю дорогою. Орієнтуватися в повсякденності можна було за бінарною логікою. Прогрес успішно рухав світ по рейках дихотомій, даючи індустріальне зростання, підвищення добробуту. А коли, нарешті, зникла в світі остання Імперія Зла і в протистоянні Добра і Зла можна було впевнено констатувати перемогу Добра, Ф.Фукуяма пообіцяв нам «Кінець історії» [8]. Це той час, коли, нарешті, ц людства тільки й турботи буде, що доробляти маленькі недоробки, працювати з окремими кейсами. І чекати такої близької тисячолітньої ери Благоденства. Все просто і цьому дуже хотілося вірити.

Усе змінилося зовсім недавно. Коли складність світу захопила не тільки високі роздуми, а й повсякденні практики. І відкрила небачені можливості. І при цьому виявилася часом грубою та безцеремонною. Дихотомії почали розриватися, світ поплив під нашими ногами і в наших уявленнях та очікуваннях. І ми вже не можемо зрозуміти, у нас мир чи війна, де добро, а де зло, де правда, а де неправда, де багатство, а де бідність, де живе, а де мертво, де природа, а де технологія. Той, хто несе війну, при цьому везе гуманітарну допомогу. Той, хто заходить до храму, йде не молитися, а вбивати. Сім'я, чоловік і жінка – те, що було на самому початку, те, що могло здаватися останнім bastionом – теж попливло. Ми вже не можемо бути впевненими, говорячи – чоловік перед нами, чи жінка.

Плинна сучасність – так назвав це З. Бауман в 2000-му році [9]. Він про це писав скрізь – емоційно й аргументовано: «Ми вступили на територію, яка ніколи раніше не була населена людьми, яку культура в минулому вважала непридатною для життя. І нам ще доведеться побачити, що означає тут опинитися, і якими будуть довгострокові наслідки всього цього» [10, с.316]. І той же Фукуяма, що дав прекрасну надію своєю обіцянкою кінця історії, пише спочатку «Великий розрив» [11], а після останніх виборів президента США говорить те, що взагалі виглядає абсолютно протилежним колишнім сподіванням: «Ризик сповзання в світ, де змагаються між собою однаково небезпечні націоналістичні режими, є великим, і якщо це трапиться, це буде перехрестя Історії такої ж значимості, як падіння Берлінської стіни в 1989 р.» [12].

Світ на Перехресті. Він нестійкий, плинний, нестабільний, мінливий. І найголовніше – він непередбачуваний і варіативний. І це вже не просто оригінальні теорії, а по-

вськденні практики, з якими люди зіштовхнулися всією своєю емоційністю й тілесністю, свідомістю і несвідомим. Відсутність проекту майбутнього – найпотужніший генератор депресій, розчарувань і фрустрацій. Як у цьому світі людині жити?

І тут дією може стати ще одна метафора, пов'язана з зазначенню Бауманом плинністю. Метафора серфінгіста, що має опанувати технологію утримання на хвилі, яка не стоїть на одному місці, а постійно рухається під дощечкою, на якій він стоїть. Яка тут технологія є дією? Відмова від довготривалих проектів, чутливість до кожного нового моменту, кожного поруху хвилі. А це можливе лише за умови досягнення єдності з цією хвилею. Знову таки, відмова від поділу – Я і Хвиля. Для суспільства і Людини у складному суспільстві з цього випливають дуже суттєві висновки – вже навіть вислів «людина в світі» є, по суті, хибним. Це має розглядатися як єдина система, нелінійна, складна, здатна до самоактивності та самоорганізації. І далеко не все тут підкорюється волі і бажанням людини. Довготривалі проекти можуть виглядати надто самовпевненими. Спиратися лише на інтелект і раціональність – теж не виглядає адекватним в рамках такої системи. А от екологізм в розумінні – резонансність, синергізм, синхронність, як певні соціальні технології, мають перспективу. Парадигма складності, принаймні, створює для цього міцну парадигмальну платформу.

Список літератури:

1. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Клаус Майнцер. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
2. Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюлья Делёза. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. – № 2. – С. 149–181.
3. Добронравова И. Сложность как процесс // Ирина Добронравова // Практична філософія науки : збірка наук. праць. – Суми: Університетська книга, 2017. – С.155–166.
4. Бевзенко Л. Передмова до монографії «Людина у складному світі» / Любов Бевзенко. Наук. ред. Н.В. Кочубей, М.О. Нестерова. – Суми: Університетська книга, 2017. – С. 7–16.
5. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. The Fractal Geometry of Nature / Бенуа Б. Мандельброт. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
6. Данилов Ю. Фрактальность. – Режим доступу: <http://spkurdyumov.ru/introduction/fraktalnost/>
7. Волков В.В. Теория практик / Вадим Волков, Олег Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
8. Фукуяма Ф. Конец истории? // Френсис Фукуяма. Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 290–291.
9. Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
11. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Френсис Фукуяма; пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.
12. Ф. Фукуяма. США против всего мира? Трамповская Америка и новый мировой порядок. – Режим доступу: <https://aftershock.news/?q=node/455622>

Богатая Л. Н.

ПАРАДИГМА СЛОЖНОСТИ И ФИЛОСОФИЯ Ж.ДЕЛЕЗА: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ «КРУГЛОГО СТОЛА»

*У философии нет других средств, кроме высокопорядковых
рефлексивных концептов, задаваемых не дефинициями, а каскадами разверток
и сериями сборок*

Кузнецов В.Ю. [6, с.155]

Круглый стол – это достаточно традиционная форма научного общения. Понятно, что подобные встречи совершенно по-разному работают для их участников и для тех, кто знакомится с результатами встречи по материалам, опубликованным в печати. «Живой» круглый стол – это особая *интеллектуальная площадка* или, если воспользоваться терминологией В.Е.Лепского, «рефлексивно-активная площадка сборки», сборка интегрального, коллективного субъекта. Анализ результатов любого «круглого стола» представляет собой специальную методологическую задачу, ибо каждое выступление (высказывание) – это особый способ говорения о зафиксированном предмете, некоторый «каскад развертки» (В.Ю.Кузнецов [5, с.155]).

Цель представляемого ниже небольшого исследования заключается в проведении методологического анализа материалов «круглого стола» на тему – «Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делеза» [6]. Участниками этой интеллектуальной встречи были известные российские специалисты в области изучения сложности – О.В.Аронсон, В.И.Аршинов, В.Г.Буданов, Е.Н.Князева, В.Е.Лепский, Я.И.Свирский и ряд других специалистов.

Как было отмечено модератором форума (Я.И.Свирским), главная задача встречи связывалась с прояснением философских оснований *парадигмы сложности*. Понятно, что разговор о *философских основаниях* той или иной парадигмы «вещь весьма тонкая», но, тем не менее, едва ли возможно оспаривать факт того, философия и наука взаимовлияют друг на друга и эти влияния вполне могут стать предметом специальных рефлексий.

В самом начале встречи Я.И.Свирский призвал участников к *спонтанности, диалогичности, реактивности*, которые и соответствуют, во многом, духу сложностного мышления. Однако этот призыв (и свидетельством тому – выступления участников) фактически не был услышан. Причина отмеченного видится в том, что *сложному мышлению*, равно как и *мышлению многомерному* всем еще только предстоит учиться. Пока же, освоенной оказалась только техника «*изолированной плюральности*», столь характерная для постсоветской постнеклассики, легитимирующая спокойное возвращение «своего» без особой оглядки на позиции других. Эта техника кажется с человеческой точки зрения бесконечно «холодной», ибо участники научной коммуникации **позволяют** другому высказать собственную точку зрения, но никак, фактически, на эту точку зрения не реагируют. Складывается ощущение, что все говорят, но никто никого не слышит. В этой связи показательной видится история с конструктом *сложностность*, который уже столько лет исследуется В.И.Аршиновым и Я.И.Свирским и который, несомненно, является чрезвычайно полезным для становления парадигмы сложности. Но даже после множества написанных на эту тему текстов у одного из участников «круглого стола» возникает вопрос: «Зачем этот конструкт нужен?» (причем вопрос не от представителя *дальнего* и *ближнего* зарубежья, а от того, кто физически существует совсем рядом). В защиту *сложностности* хочется сказать, что именно благодаря этому конструкту для многих стала более понятной техника *рекурсии*, делезовские интуиции о *различении*, необходимость нового понимания *времени*, которое *никуда не течет*.

Вполне вероятно, что ситуация «изолированной плюральности» является своеобраз-

разным результатом инфицирования исследователя вирусом «самозначимости». Эта самозначимость не позволяет чутко и быстро принять позицию другого, а потом третьего и так далее. Увы, но жесткая «центрированность на своем» препятствует становлению *коллективного наблюдателя*. И в этом смысле весьма показательными кажутся слова Е.Н.Князевой о том, что «множественное необходимо лелеять, культивировать» [6, с.175]. К отмеченному можно добавить: *сложному мышлению* (мышлению в сложности) нужно учиться и для этого важно понять ограниченность и сомнительную плодотворность позиции «изолированной плюральности».

Истоки формирования представлений о сложности

Как утверждают участники «круглого стола», осуществляемые сегодня в мире исследования сложности сформировали достаточно устойчивое междисциплинарное направление, именуемое *Complex Systems Research* или *Theory of Complexity* [6, с.150], исследования *сложного мышления* (*la pensée complexe*), *эпистемология сложного* (*épistémologie complexe*) [6, с.172]. О *сложном* пытаются говорить с весьма различных позиций: формируются представления об *информационной, алгоритмической сложности*, о сложности *открытых нелинейных неравновесных динамических систем* [6, с.175]]. Автором данного текста было введено и развивается представление о *гуманитарной сложности* [3], [4].

Мысли о *сложном* подпитывались разными источниками. С одной стороны – синергетическими исследованиями, объединившими многообразие исследовательских программ, с другой – философскими наработками, представленными, в первую очередь, в рамках постструктуралистской традиции. При этом само слово *постструктурализм* кажется весьма знаковым: *сложность* – это несомненный отход от концентрации внимания на *структуре*. Исследовательский интерес смещается в сторону наблюдения *процессов* структурных *трансформаций*, ситуаций *переструктурирования*, тонкий анализ которых начинается с обнаружения знаков появления нового.

Несомненно, что интеллектуальной фигурой, стимулировавшей многих к изучению сложного, стал французский методолог Эдгар Морен, который и ввел в обращение выражение «парадигма сложности». К чертам этой парадигмы сейчас пытаются присматриваться, в первую очередь, те, кто последние десятилетия активно осваивал синергетические конструкты.

Очевидным результатом коллективных синергетических практик стало сближение естественно-научных и гуманитарных подходов, несмотря на то, что представители естественных наук часто критиковали гуманитариев за поверхностность в использовании синергетических конструктов. И, тем не менее, во многом именно эти конструкты оказались своеобразным «связывающим мостом» и способствовали пусть иногда и «неуклюжей», но – конвергенции гуманитарного и естественно-научного знания.

Сегодня ситуация «неуклюжести» в некотором смысле повторяется, ибо философы науки пытаются понять одного из наиболее «трудных» философов XX века. При анализе его творчества «спотыкаются» даже те, кто профессионально занимается «чистой философией». И естественно возникает вопрос: Чем в таком случае могут быть полезны философы науки? На помощь приходит сам Делез, в свое время утверждавший: «*Философии нужна понимающая ее нефилософия, ей нужно нефилософское понимание, подобно тому, как искусству нужно не-искусство, а науке – не-наука*» (цит. по: [6, с. 159]).

На первый взгляд, эта мысль достаточно понятна и проста (хотя, едва ли, многие представители тех или иных «профессиональных цехов» готовы ее реализовывать на практике). Мысль Делеза не только о полезности практической реализации принципа дополненности. Любому «концептуальному замыканию» как воздух необходимо *понимающее размыкание*. И в этом простом слове «*понимающее*», которое пытались растолковать и расколдовать столько философов, заключена важная искра мысли о *сложном*. Понимание это всегда попытка перетолковать, переложить. Это всегда перевод на язык иных *понимательных конструктов*. И если мы спрашиваем: Что такое *сложность*–

ность? – значит – не понимаем, ибо элементов из привычного набора «инструментов для понимания» оказывается недостаточно.

Понимание – это еще и готовность к поддержанию жизни Целого, возможность организовать связность. Наконец, – это «счастье, когда тебя понимают». Понимание способствует формированию *коллективного субъекта*.

Возможность «безболезненного» смещения ракурсов, готовность легкого изменения набора собственных познавательных конструкторов становится своеобразным пропуском в мир сложного.

Приведенную выше мысль Делеза можно перетолковать и иначе. Понимание – это не просто готовность к переводу, обеспечивающему связность, но и принятие того, что понимание – это всегда упрощение, перевод *философии* в *не-философию* связан с **упрощением**.

При этом никак не следуют отождествлять *упрощение* и *Простоту* (важно отметить, что *простота* оказалась еще одним конструктором, который пытались наряду со *сложностью* обсуждать участники «круглого стола»).

У-прощение – это то, что стремится приблизиться к *простому*, но никогда таковым не становится. Поэтому «Простота, которая хуже воровства» (формула, которую упоминал в ходе обсуждений В.Г.Буданов) не очень точна. В устоявшемся в языке выражении речь идет, скорее, о *простоте*, а не о *Простоте*, о том профанном, что лишь угадывается в сакральном. *У-прощение* – это стремление к Простоте, которое никогда не может свершиться, ибо для этого необходимо преодоление онтологического разрыва. Удивительно, но в проводимых рассуждениях *Мысль* вступает в диалог с самим *Языком*: стремление оказаться *у* – (около) *простоты* (*у-прощение*) сдвигает нас в ситуацию необходимости *быть прощенными* (*у-прощение*). Размышляя о чем угодно с помощью изобретаемых конструкторов, мы призваны (призваны самим *Языком*) понимать, что необходимо сразу просить о прощении. И именно осмысления *сложности* позволяют осваивать эту очень важную в этическом плане мысль.

Любое размышление – это *у-прощение*, это – выпадение в *недо-целостность*, первый шаг к разрушающей «изолированной плюральности». Что же касается сложностного мышления, то оно призвано преодолевать гордыню «любования *надуманным своим*», которым так и хочется «отформатировать других». В этом смысле практика «изолированной плюральности» может рассматриваться и как своеобразное средство защиты от интеллектуальных насилий. Однако у этой практики есть и обратная сторона: боязнь насилия со стороны других препятствует познанию самой Любви. И в этой связи вспоминаются конструкторы Ж.Делеза, о которых не упоминали участники «круглого стола», а именно *гладкое* и *рифленое*. С их помощью сложность можно толковать как наслаждение, получаемое от *ино-рефления*, от возможности сказать иначе, переключиться в освоении той или иной мысли на иную сериальную развертку. Но для переживания сложности, понимаемой как разнообразие опытов рифления, необходимо освоения практики сопричастия *гладкому пространству*. Гладкое – как пауза, как прорыв к Простоте, безмолвию, как счастливая и наивная человеческая *до-понятийная* открытость миру. «*Поять*», «*поймать*», «*схватить*» – все это неизбежные тени, сопровождающие привычные и, на первый взгляд, такие безобидные слова как *понятие* и *концепт*. Но именно эти слова в своем этимологическом изначалье обнаруживают захватническую сторону природы человека. И в этой связи возникает мысль о том, что кризис *гуманизма*, о котором в свое время пытался говорить Ж.Ф.Лиотар, вовсе не следует отсчитывать от эпохи Возрождения, в которой прозвучали лишь новые культурные акценты. Этот кризис возможно связывать с моментом, когда проявились первые ростки мысли об *истинных суждениях* и *суждениях ложных*. Несомненно, что традиция античной логики во многом сформировала современную культуру. Эта традиция возникла в лоне самой философии и являла одну из ее модальностей, но эта модальность никак не исчерпывает всей философской полноты. Для более глубокого понимания отмеченного кажется важным прислушаться к

голосу известного французского исследователя античной философской традиции – П.Адо.

Размышления о *сложности* в определенной мере подтачивают устоявшийся культурный фундамент, ибо могут вести к еще более радикальным заключениям, нежели ставшие уже привычными мысли «о смерти Бога». Но, как говорится – «скоро сказка сказывается, да не скоро...»

Тема сложности, и это видится вполне очевидным, будет подхвачена многими, в первую очередь, по весьма банальной причине: если *синергетическая парадигма* себя исчерпала, то взгляд целесообразно перевести на что-то иное, но похожее. В подобной ситуации мог бы быть полезным коллективный интеллектуальный труд, под условным названием «Уроки построения синергетической парадигмы». В таком исследовании можно было бы выявить то лучшее, что было накоплено целым поколением исследователей и, одновременно, попытаться зафиксировать начала, сдерживающие дальнейшее развитие.

Анализ же результатов уже состоявшегося «круглого стола» можно свести к следующим направлениям.

1. Попытки переопределения сложности. Работа с любым конструктом никак не может начинаться с его определения. И, тем не менее, разговор о *сложном* естественно предполагает вопрос о том, как именно это *сложное* следует понимать. В этой связи необходимо упомянуть очень полезную статью В.И.Аршинова и Я.И.Свирского, в которой рассматривались варианты определения *сложного* и *сложностного* [1]. На основании анализа материалов «круглого стола» можно выявить несколько подходов к формированию самых первых смысловых схватываний.

В.И.Аршинов: «Для меня сложность – это темпоральный эпистемический процесс, который не может быть редуцирован ни к субъектному, ни к объектному полюсу. Поэтому я предпочитаю говорить о процессе мышления в сложности. О мышлении внутри сложности» [6, с. 164].

О.В.Аронсон: «В мире имманентистской философии (*упрощенно можно толковать как «в мире философии сложного», примечание мое, – Л.Б.*) никакой простоты нет, нет «мысли о», а есть мысль как новый опыт, и для него прежнее разделение на чувственное и интеллектуальное уже невозможно. Делёз поэтому и говорит о философии (в совместной с Феликсом Гваттари книге «Что такое философия?»), как о таком пространстве, где не только происходит какая-то понятийная работа, но и обнаруживается неизбежная неразрывность «перцепта» (то в опыте, что превышает возможности чувственного восприятия) и «понятия» (то в мысли, что превышает возможности мышления), для которого в русском переводе книги использовано слово «концепт» [6, с. 177].

Е.Н.Князева: «Именно связи между элементами, а не просто количество элементов, делают сложное сложным» [6, с.172].

2. Формирование «терминологического гнезда» для исследования сложного. Развитие любого конструкта осуществляется с помощью специальных терминов, раскрывающих его природу. Эти термины первоначально вводятся одним автором, затем – переходят в разряд коллективных словоупотреблений, формируя специфическое интеллектуальное пространство исследования. Более подробно размышления по поводу *терминологических гнезд* приведены в публикации [5]. Анализируя высказывания участников «круглого стола» о сложном, соответствующее терминологическое гнездо можно зафиксировать следующими терминами:

– *трансдисциплинарность; дисциплинарное трансцендирование* (Е.Н.Князева, [6, с.172]);

– *хаос;*

- *рекурсия* (В.И.Аршинов, Е.Н.Князева)¹;
- *эмерджентность*;
- *среда, инновационная среда, рефлексивно-активные среды* (В.Е.Лепский, Е.Н.Князева [6, с.173].
- *инновации, «инновационная инстанция»* (Я.И.Свирский [6, с.163]);
- *«многомерные смысловые пространства в их движении»* (В.Ю.Кузнецов [6, с.156]);
- *«наблюдатель сложности», «сложность»* (В.И.Аршинов, [с.164].

Несмотря на то, что именно с помощью этих конструктов участники «круглого стола» пытались говорить о сложном, кажется уместным привести весьма точную мысль О.В.Аронсона: «Сложность требует для себя иного языка, нежели язык, всей эпохой рациональности ориентированный на упрощение» [6, с.179]. Однако то, каким именно будет этот новый язык – всем нам еще только предстоит обнаружить.

3. Проявление ключевых концептов Ж.Делеза, эффективных при освоении сложного.

Начать, вероятно, следует с ключевого слова, которое, с легкой руки Ж.Делеза буквально «оплодотворило» сложностью русскоязычный философский и научный лексикон. Речь идет о слове *концепт*, имеющем достаточно различные варианты употребления в специальной литературе (см. работу [2]). Однако, к настоящему моменту, после опытов многочисленных словоупотреблений, все отчетливее проявляется мысль о том, что всех интеллектуальных глубин мысли Ж.Делеза и Ф.Гваттари о *концепте* мы пока еще не смогли освоить. И уже не *концепт* и *понятие* хочется различать, а *концепт* и *конструкт*. И в этой связи очень важной видится реплика, брошенная одним из участников «круглого стола»: «Концепт как достаточно сложный конструкт» [6, с. 168] (А.С. Плахов). *Сложность, сложность, рекурсия,...* – все это, скорее всего, конструкты, с помощью которых мы пытаемся рассуждать. Что же касается концепта (в смысле, вкладываемом в это слово Ж.Делезом), то это действительно один из первых инструментов, с помощью которых появляется возможность освоения сложного. Мы же пока способ функционирования этого нового инструмента не очень понимаем и часто пользуемся *концептом* как *конструктом*, но это, если прибегнуть к метафоре – «компьютеры разных поколений».

В ходе «круглого стола» упоминались наиболее привычные слова, которые обнаруживаются в результате пропедевтических делезианских штудий: *мысль, концепт, смысл, логика смысла, ризома, виртуальная хаотизированная реальность, поверхность, тело без органов, хаосмос, отыт, опыт мысли, событие,...*

Единственно, на что в этой связи хотелось бы указать – это на значимость «метафорических оговорок». Один из участников обсуждения заметил: «Напрашивается вывод о целесообразности более глубокого изучения работ Делеза с прицелом на дальнейшее совершенствование постнеклассических моделей...» [6, с.168]. Метафора «с прицелом» уж очень открыто отсылает к тому, что убивает. Поэтому, и большое спасибо автору этой метафорической оговорки, очень важно ступить на путь изучения удивительной философии сложности Ж.Делеза с изначальной презумпцией «не убий».

Заключение.

¹ Видится весьма полезным привести дословное толкование рефлексии, предложенное Е.Н.Князевой. Оно несет на себе очевидные влияние коммуникативной концепции Н.Лумана, которая, бесспорно, может рассматриваться как одна из стратегий, позволяющая существенно продвинуться в направлении понимания сложности. Е.Н.Князева утверждает: рефлексия – «это способ связи системы и среды, независимость и автономия системы и ее встраивание в среду: встраиваясь в среду, система не только поддерживает свою независимость, но и оттачивает способности, необходимые для такого поддержания. Система и среда строятся одновременно и взаимно: активность проистекает и от системы, и от среды» [с. 173]. Тем самым *среда и рефлексия* оказываются тесно связанными конструктами.

Автор этого исследования уже довольно давно, в 2010 году говорил и писал о том, что совершенно новый импульс в исследованиях сложного может возникнуть в результате соединения в рамках единого научного форума усилий философов, занимающихся изучением наследия *Ж.Делеза*, тех, кто исповедует и исследует философию *русского космизма* и философов, ученых, изучающих *сложность*. Такая междисциплинарная интеллектуальная площадка могла бы стать точкой мировоззренческого сдвига, которого сейчас так недостает. А уже проведенный «круглый стол» является «первой ласточкой» того, что вполне может произойти и во многом изменить, обогатить нашу жизнь. Ведь Делез прав: «Концепты – это сигнатуры духа. Но это не значит, что все это происходит только в голове, так как концепты – это еще и образы жизни» (цит. по: [6, с.178-179]).

И в заключение хочется выразить искреннюю благодарность всем организаторам, участникам «круглого стола». Особые слова признательности Я.И.Свирскому, ибо именно благодаря его переводческому труду, «бесконечному напряжению духа» многие «трудные» тексты *Ж.Делеза* были инсталлированы в плоть русского языка, в плоть нашей общей культуры.

Список литературы:

1. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель / В.И.Аршинов, Я.И.Свирский // Философия науки и техники, 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 70-84.
2. Богатая Л.Н. Слово и его ипостаси (Слово та його іпостасі) / Л. Н. Богатая // Гілея: науковий вісник. – 2015. – Вип. 102. – С. 271-276. (0.8 п.л.)
3. Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте некоторых актуальных понятий современной культуры / Л.Н.Богатая // Методологія інтегративних процесів. №2(28), 2016. – С. 4-9.
4. Богатая Л.Н. Лингвоэстетика в контексте представлений о гуманитарной сложности / Л.Н.Богатая // Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах “ Грانی ”. – 2015. – №11/2 (127). – С.6-11.
5. Богатая Л.Н. Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці: Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – С. 59-66. (0.80 п.л.)
6. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делеза. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники, 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 149–181.

Воробьев С. Г.

ЕЩЕ РАЗ О МЕТАФИЗИКЕ: В СВЯЗИ С ПЬЕРОМ БЕЙЛЕМ

Сообщение относится скорее к преподаванию, а не к научной деятельности А.И. Уёмова.

Авенир Иванович как преподаватель – это тема отдельного исследования, возможно, специальной конференции. Его мудрость и мастерство проявлялись кроме прочего в умении выделять главное и абстрагироваться от второстепенного и третьестепенного при изложении того или иного материала.

В частности, излагая историю метафизики, А.И. Уёмов в своих работах «Метафизика» и «Лекции по метафизике» рассматривает различные значения термина «метафизика», различные трактовки его великими философами 18-20 веков.

В этом глубоком исследовании автор, как это ему свойственно, не обращает внимания на отдельные мелкие детали. И тем самым дает повод упомянуть об одном сюжете избыточным для него, но имеющим значение для преподавания предмета «Философия Нового времени». Более точно: речь идет о деятельности французских просветителей и их сознательном отказе от метафизики, восходящей к Декарту, картезианцам и прочим рационалистам 17-го и 18-го веков.

Классики марксизма, ссылаясь на неназванного французского писателя, характеризуют Пьера Бейля в «Святом семействе» как последнего метафизика «в смысле 17-го века» и как первого философа «в смысле 18 века».

«Исторический и критический словарь» Бейля является предшественником «Философского словаря» Вольтера и Энциклопедии Дидро и Даламбера.

Но дело не только в этом. «Загадка» появления философии «на английский манер» вместо родной метафизики во Франции накануне революции не является сложной.

Философы-просветители во Франции использовали термин “les philosophes”, философы, как самоназвание. Кстати, этот термин без перевода используется в «Британике» в ряде статей: the philosophes вместо the philosophers.

Протопозитивистский и квази-фактографический подход к знанию энциклопедистов противопоставляется исключительно умозрительному методу метафизиков Нового времени. Достаточно вспомнить вольтеровского Панглосса и характеристику его учения.

С другой стороны, общеизвестно высказывание Вольтера о «естественной истории души» Локка и о «романе о душе» Декарта.

Также неоспоримо влияние Локка и английской традиции, трактующей философию (первую) как часть науки, «второй философии». Например, классификация наук Френсиса Бэкона принимается как основополагающая для Дидро и Даламбера, редакторов «Энциклопедии». Также можно говорить о влиянии Ньютона, который в «Математических началах натуральной философии» последнюю понимает как естествознание. Гегель, кстати, сетует по поводу того, что эмпирически ориентированные англичане все что угодно называют философией: телескоп и микроскоп у них являются «философскими инструментами».

Галиновский С. А.

СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМА ЛАТЕНТНЫХ И ЯВНЫХ СТРУКТУР

1. Совпадение латентных и явных структур является, по мнению А. Уёмова, главным условием оптимальности системы: «соответствие явной и латентных структур систем является условием их оптимального функционирования» [2, с. 232]. К сожалению, дальнейшего развития данная теория не получила. А. Уёмов дал только ограниченные определения явных и латентных структур. «Явная структура системы – это ее системообразующее отношение», а дальше отмечается наличие: «латентных отношений, не удовлетворяющих данному системообразующему свойству» [2, с. 232].

2. Тут мы встречаемся с рядом проблем: насколько понятие отношений и структуры у А. Уёмова совпадают в данном случае и корректно ли называть латентные отношения – латентной структурой? Если да, тогда какими параметрами она может обладать? Не менее важно дать, эмпирическое описание того, что же может быть латентной структурой, особенно если мы работаем с политическими и социальными системами. Конечно, А. Уёмов даёт такие примеры. Если есть рабочая бригада, то отношения мастера, бригадира, ремесленника – это явные. А «отношения по возрасту, по происхождению, эмоциональные отношения» [2, с. 232] – это латентные. Далее, отмечается, что: «каждое из них тоже может стать системообразующим, но уже по другим системообразующим свойствам» [2, с. 232]. Но, тогда это вводит дополнительные сложности, как можно добиться абсолютного совпадения их и возможно ли вообще это, и нужно ли? Например, если бригаду возглавит пожилой, и хорошего происхождения человек, то будет ли это совпадение латентной и явной структуры? Более, того, будут ли эти отношения вообще латентными? Например, спецслужбы государства, это латентные его структуры или нет? Био-власть, о которой говорит М. Фуко, является ли латентной структурой, или это явная? Кроме того, проблематичным является и отсутствие формального определения. В связи с этим возможно несколько версий.

3. Если исходить из уточнённых определений систем как: «Системой с атрибутивным концептом и реляционной структурой является произвольная вещь (или являются произвольные вещи) (субстрат), на которой реализуется какое-то отношение (реляционная структура), обладающее произвольно взятым определённым свойством (атрибутивный концепт)» и «Системой с реляционным концептом и атрибутивной структурой является произвольная вещь (или являются произвольные вещи) (субстрат), на которой реализуется какое-то свойство (атрибутивная структура), находящееся в произвольно взятом определённом отношении (реляционный концепт)» [1; с. 110], то можно сделать вывод о том, что должны существовать, как атрибутивная латентная структура, так и реляционная латентная структура. Если рассмотреть атрибутивную структуру, то когда мы рассматриваем свойства, удовлетворяющие реляционному концепту, то мы опускаем все остальные, они становятся своего рода *qualitas occulta*, которым мы не придаём значения, но они присутствуют и могут оказывать существенное влияние на функционирование и бытие системы, точно так же и с реляционной структурой, тогда мы можем предположить наличие бесконечного количества латентных структур, совпадение которых может быть практически недоступно. Кроме того, они могут удовлетворять разным концептам, соответственно могут образовывать разные системы на одном и том же субстрате или вещи, или вещах. Таким образом, мы можем говорить о возможности латентных систем.

4. Если исходить из этого, тогда любая структура, не выделенная нами в данном наборе вещей и не удовлетворяющая данному концепту, будет латентной.

5. Возможно и то, что соотношение между латентной и явной структурой, такое же, как между актом и потенцией по Аристотелю. Латентная структура – это та структура, которая может быть выделена как системообразующее свойство или отношение, но пока не выделенная; когда же она выделена, она становится явной. То есть пере-

ходит из потенции в акт.

6. Отсюда, может возникнуть предположение о принципиальной неопределенности и неопишемости латентной структуры, потому что как только она описана, она становится явной. Таким же образом и формальное описание невозможно.

7. Латентная и явная структура соотносятся друг с другом как реляционная и атрибутивная, когда мы выделяем атрибутивную структуру, реляционная никуда не исчезает, однако относительно атрибутивной структуры является латентной и может оказывать влияние на функционирование системы.

8. Можно рассматривать существование латентной структуры как специфического проявления концепта, что отчасти связано с предыдущей версией. В некоторых случаях разные отношения между элементами могут удовлетворять одному и тому же концепту. Тогда отношение, которое является системообразующим, будет явным, все остальные – латентными. Например, мы создаем демократическое государство и закладываем определенную структуру, которая провозглашается как то, что поддерживает наши демократические ценности: выборы, всеобщее избирательное право, равенство и прочее. В то же время мы закладываем аппарат насилия, который будет обеспечивать этот порядок: разведка, службы госбезопасности, милиция и прочее. Первая будет явной, вторая латентной.

9. Развитие исследования соотношения латентных и явных структур может помочь дальнейшему развитию параметрической ОТС и пониманию оптимальности, но для этого необходима детальная разработка каждой из версий.

Список литературы:

1. Райхерт К. В. Уточнение определений понятия «система» в параметрической общей теории систем // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія Історія. Філософія. Політологія. – 2016. – № 11. – С. 106–112.

2. Уёмов Авенир Иванович Системный подход и общая теория систем / Авенир Иванович Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

Зобенко К. И.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЗНАНИЯ В СОЗДАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. И. Уемов в своей работе «Системные аспекты философского знания» рассматривает проблему сознания в аспекте соотношения сознания и материи. Приводя пример определения сознания, А. И. Уемов соглашается со следующей трактовкой: «Это – дореволюционный философский словарь Э. Л. Радлова. Здесь написано, что «сознание (и самосознание) есть высшее понятие, принцип психологии, посему оно не может быть определено, а лишь описано, и не может быть выведено из других понятий, как, например, движение, как это пытается сделать материалистическая психология». – И вот это верно. Поэтому мы и не будем пытаться определить сознание. Будем исходить из того, что каждому ясно, что такое сознание. Все-таки сознание – исходная вещь» [7, 45]. Также среди множества точек зрения, которые представлены в работе, нет категоричного положительного аргумента в области чего-то одного, поэтому я также не стремлюсь дать ответ на поставленные вопросы, а предлагаю и предполагаю рассмотреть проблему сознания в рамках когнитивной лингвистики.

Среди множества нерешённых проблем, связанных с феноменом сознания, особое место занимает проблема искусственного интеллекта (ИИ). Любые глубокие размышления на эту тему невозможны вне общего контекста философской теории сознания. Ведь для того чтобы рассуждать об ИИ, мы должны вообще представлять, что такое сознание, что такое интеллект и как это всё соотносится с физической материей и, в частности, органическим мозгом. Представленные ниже соображения опираются на разрабатываемую теорию сознания, в которой психическая и физическая реальности рассматриваются как различные, но диалектично связанные между собой онтологические состояния единой природной субстанции [1, 98].

Среди широкого спектра вопросов, связанных с проблемой искусственного интеллекта, глубокое философское содержание имеет ряд вопросов, здесь рассмотрены всего несколько из них. Первый: возможен ли вообще искусственный интеллект? Второй: будет ли искусственный интеллект отражать все возможности человеческого сознания? [3, 12.] Третий: что принесёт человечеству создание искусственного интеллекта, если он всё же возможен? Вопрос о том, как создать ИИ, является не столько философским, сколько технологическим. Однако в разработке теоретических основ такой технологии философская теория сознания играет вовсе не последнюю роль.

Можно ли научить компьютер мыслить? Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы понимаем мышление. И на данном этапе развития человека и уровне его знания сложно дать категоричный ответ, утверждая что-либо. Виртуальная деятельность сознания слишком сложна, в силу чего не является процессом, который подлежит полному вычислению и воспроизведению на компьютере. Роджер Пенроуз совершенно прав, когда на основе следствий теоремы Геделя доказывает принципиальную невозможность установить математические алгоритмы процесса мышления. Однако на компьютере можно моделировать некоторые частные аспекты естественного процесса мышления [2, 142]. Мы можем представить себе, как компьютерный вычислительный процесс не является полностью тождественным психическому процессу естественного мышления, но лишь моделирует его отдельные характеристики.

В этой связи уместно обратить внимание на размытый смысл понятия «искусственный интеллект» в русском языке. Некоторые специалисты справедливо подчёркивали, что английский термин *artificial intelligence* не содержит однозначных претензий на полное соответствие технического эрзац-интеллекта своему создателю и предшественнику – интеллекту естественному, то есть человеческому [4, 214]. Он указывает не столько на искусственный интеллект, сколько на искусственную способность разумного мышления или интеллектуального действия. Эти семантические нюансы, совершенно незаметные

для простого обывателя, имеют большое значение в научных дискуссиях на темы ИИ.

Язык является значимой категорией в понимании сознания и проблемой в техническом моделировании сознания. Вопрос рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, центральной проблемой которой является изучение отношения в цепочке «разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие», а основная задача состоит в объяснении механизма обработки естественного языка, построении модели его понимания [5, 26-31]. Языковая часть мозга получает много информации, в том числе и из отделов, ответственных за обработку визуальной информации. Важной частью создания полноценного ИИ будет интеграция этих систем.

В интерпретации когнитивной лингвистики языковое значение не является собой строгую упорядоченность автономных минимальных компонентов, но представляет собой гештальт. Значение одновременно является и организованной структурой, и целостным образом, интегрирующим логическое и интуитивное, чувственное. Разные типы языковых значений находятся в разной степени приближения к полюсам логически упорядоченного и образного, эмоционального, чувственного.

В когнитивной семантике поставлена и разрешается новая проблема: интерпретация в языковой семантике телесного, кинетического опыта человека, опыта его непосредственных контактов с миром. Следствием этого является повышенный интерес когнитивной теории к метафоре, которая рассматривается как базовый лингвокогнитивный механизм формирования абстрактных смыслов в результате символического преобразования первичных смыслов, формируемых в процессах когнитивной переработки телесного опыта [6, 74-82].

Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а цели такого исследования в разных конкретных направлениях (школах) когнитивной лингвистики могут различаться – от углубленного исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата до конкретного моделирования содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы).

Таким образом, когнитивная лингвистика, как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [5, 13]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики [5, 10].

При этом отличие когнитивной лингвистики от других когнитивных наук заключается именно в ее материале – она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее методах – она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Перед современной когнитивной лингвистикой стоят задачи выявления способов, форм языкового миромоделирования, а также влияния языковых моделей мира на другие типы когнитивной деятельности человека, формирование моделей его речевого и неречевого поведения. Разрешая данные вопросы, когнитивная лингвистика вносит свой вклад в разрешение актуальной проблемы построения интегральной модели сознания.

Список литературы:

1. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
2. Джан Р.Г., Данн Б.Д. Границы реальности, роль сознания в физическом мире: пер. с англ. М., 1995.
3. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002.
4. Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической фило-

софии XX века. М., 2005.

5. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006.

6. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. 2004.

7. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Негоциант, 2000.

Казарян В. П.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ УЁМОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ

С середины XX века с развитием вычислительной техники в науке появилась некоторая сущность, которая была названа сложным объектом в противоположность простому. С развитием кибернетики и системного подхода стало значимым то, что названо сложным. Развился интерес к интерпретации сложных систем. Понятие сложной системы связывают с понятием «сложная проблемная ситуация». Понятие «сложная система» репрезентирует проблемную ситуацию. Это характерно для деятельности в науке, в инженерии, в управлении социальными явлениями (экономика, образование, военное дело), в проектировании современных технологий (политических, информационных, нано-, биотехнологий, психологических медицинских...).

Как подойти к истолкованию сложности самой по себе вне её конкретного наполнения? Возможный и плодотворный ответ – через системный подход, релевантный проблемной ситуации. Нельзя не заметить, что понятие сложности фигурирует в научных текстах в единстве с понятием системы. А.И.Уёмов показал, что простота-сложность относятся к характеристикам системы [2; 5; 6]. Сложность предстаёт как системный параметр. Именно в этом случае понятие эвристически значимо и содержательно.

Уёмовская концепция системы [5] оказалась весьма полезным теоретическим инструментом для истолкования явления сложности и позволяет использовать идеи конструктивного реализма [1]. Она позволяет истолковывать сложность как артефакт – как характеристику системы, образованной взаимодействием человека с предметом его деятельности для достижения определенной цели. Системообразующим фактором выступает концепт системы, который, с одной стороны, выражает смысл системы (ее эмерджентное свойство), а с другой стороны, выражает намерение (цель) деятельности человека. Это не что иное, как системное представление современных инновационных технологий, в которых реализуется единство ценностей и намерений (целей) человека с техническими возможностями.

Если системность выступает как свойство реальности, порождаемой творческой активностью человека в реализации его замыслов, тогда сложность как характеристика системности относится не к онтологии-природе или обществу, самим по себе, а к человеческому действию, к деятельности человека.

Наука обратилась к исследованию проблем, постановка и исследование которых требует исходить из убеждения, что проблема адекватно выражается на языке сложно-системного представления. Этот язык опирается на язык систем, т.е. на принцип системности. Если системный подход имеет уже давнюю историю, то о сложных системах заговорили в основном тогда, когда стали развиваться современные технологии, объединяющие науку и интересы человека. Это период – породивший тезис: мышление – это технология. Технология, включающая в себя инструмент – компьютер и способ организации мышления, прежде всего системный анализ, теории принятия решений.

Предметом исследования стали действия человека. Не природа сама по себе, не общество само по себе, не человек сам по себе. А действующий человек с его целями и ценностями в жизненной проблемной ситуации. Она и стала истолковываться, осмысливаться как сложная система. «Человек в проблемной ситуации» – это сложная система. Не случайно, что это понятие активно используется в теориях управления, информационно-кибернетических исследованиях, прикладной математике и информатике.

Идея сложности инициирована развитием технологий коммуникаций, взаимодействия современного человека с его персональным окружением через посредство инструмента – компьютера. Мы знаем, что новый инструмент изменил человеческую жизнь, самого человека, способы общения его с миром и другими людьми. Инициация идеи сложности (как и чувства сложности) вызывается проблемной ситуацией, в которую включен принимающий решение человек. Это включение может происходить и в явной

форме, и в скрытой. Примером явной формы включения человека в проблемную ситуацию служит системный анализ, исследование операций, теория принятия решений. Они оказались возможными благодаря развитию вычислительной техники, позволившей ввести в науку невиданные ранее предметы исследования. Идея сложности находит в них выражение в понятии сложной системы. Здесь истоки интереса к сложности как научному понятию.

С такой трактовкой сложности коррелирует позиция А.И. Уёмова. Трактовка им понятия системы на принципах конструктивного реализма позволяет утверждать: понятие сложности имеет научную и эвристическую ценность только в случае его единства с понятием системы, концепт которой задается человеком (в его познавательных интересах). Другими словами, если мы хотим говорить о сложности в области психологии, политологии, образовании, и т.д., то мы вынуждены предварительно сконструировать релевантную систему. При этом предметом исследования является проблемная ситуация, включающая в себя процесс взаимодействия человека, со значимым для него миром.

Сложность будет истолковываться как артефакт – характеристика системы, образованной взаимодействием человека с предметом его деятельности для осуществления его намерения и достижения определенной цели. Уёмовская концепция системы служит хорошим теоретическим инструментом для истолкования явления сложности. Понятие сложности широко вошло в науку. Так, в точных науках сложилась удивительная область системных исследований и прикладной математики: где не закон и причинность главенствуют, а модель и цель; не объект, а проблемная ситуация; не лабораторная, а жизненная проблемная ситуация. Особенно показателен (или выразителен) системный анализ как поддержка принятия решений. В нем есть и междисциплинарность, и трансдисциплинарность, и транснаучность, и математический расчет, и человеческий выбор. Здесь развивается новая технология мышления, в которой сращены абстрактная наука и жизненные реалии. Расширение рационализма фундаментально [3]. Оно заставляет нас видеть мир и человека в нем в совершенно ином свете.

Площадка, на которой разворачивается наука о сложном – это не только анализ состояний системы вдали от равновесия, самоорганизующихся систем..., теория хаоса, теория игр и проч., но и науки об искусственном: человек и современный мир[4]. Сложность – это проблемы во взаимодействии человека и его внешнего мира. Предмет науки о сложности – действия человека. Ситуация познавательная сливается с практической ситуацией. Теоретические конструкции объять должны то, что задается конкретными и ситуативными соображениями практика. Бытие человека все в большей степени определяют создаваемые им самим реальности.

Список литературы:

1. Казарян В. П. Параметрическая теория систем и системная практика // Параметрическая общая теория систем и её применения. Одесса: Астропринт, 2008.
2. Мамчур Е. А, Овчинников Н. Ф., Уёмов А. И. Принцип простоты и меры сложности. М. Наука. 1989.
3. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. МГВП КОКС, 1995.
4. Саймон Г. Науки об искусственном. М: Едиториал УРСС, 2004.
5. Уёмов А. И. Свойства, системы и сложность // Вопросы философии. 2003. №6.
6. Уёмов А.И., Штаксер Г.В. К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. Вып. 31. 2004, с. 7–33.
7. Философия науки. Вып. 18. Философия науки в мире сложности. М.: ИФ РАН, 2013.

Кирилюк О. С.

WAS FUR EINES? «РІЧ» ТА «ВЛАСТИВІСТЬ» У ФІЛОСОФІЇ Г. ГЕГЕЛЯТА «ОДНЕ» ЯК ЛОГІКО-ФЕНОМЕНОЛОГІЧНИЙ ПОПЕРЕДНИК КАТЕГОРІЇ «РІЧ»

У третьому параграфі Вступу до першого тому своєї «Енциклопедії філософських наук» [3, с. 87] Гегель зазначав, що кожна людина мислить категоріями, але у повсякденній свідомості більшість людей використовує їх несвідомо. Категорії мислення є результатом тривалого розвитку діяльного світоперетворення, коли, приміром, з «тут», «там», «близько», «далеко» сформувалася категорія простору як такого. Задача філософії, за Гегелем, полягає у тому, щоб «виколюпати» ці категорії як «чисті» форми думки з безпосереднього предметно вираженого змісту та рухатися у них, що для буденної свідомості достатньо складно, через що філософському мисленню слід спеціально вчитися – хоча всі люди мають руки, але не всі вміють вигаптовувати за їхньою допомогою чоботи; і хоча всі люди мислять, але не всі люди здатні рухатися у чистих визначеннях думки.

По ходу свого розвитку, на певній стадії пізнання, предмет нашого знання починає розумітися як «рiч», чому відповідає певна поняттєва форма. «Рiч» як знання про деякий об'єкт відповідає певному етапові у розвитку пізнання. Це поняття має як попередників, бідніші поняття, так і «наступників», більш багаті поняття, що формуються на подальших, розвинутих пізнавальних фазисах. Таким стадіям, за Гегелем, відповідають певні сходинки розвитку самої свідомості – чуттєва свідомість, перцептивна (*die Wahrnehmung*; рос. «вопринимающая») та розсудкова свідомість. На першій стадії предмет пізнання фіксується у вигляді розрізнених *чуттєвих феноменів*, на другій наша свідомість має справу з *речами*, а на третій – з *явищами* [тут і далі див.: 2, розділ «Свідомість»].

Між тим дослідники категорії «рiч», зокрема, А. І. Уйомов, начебто «перестрибують» через форми мислення, що передують категорії «рiч», відразу звертаючись до останньої. У цьому немає нічого такого, що мало б викликати нарікання, адже вони предметом свого розгляду обрали саме «рiч». Однак тут виникає **проблемне питання** – як співвідносяться між собою категорії «рiч» та її попередники, зокрема, категорія «одне», і чи не може це «одне» якимось чином мати відношення до дефініції «речі» на якомусь етапі визначення останньої?

Тому **метою** цих тез буде прояснення ролі та значення категорії «одне» як логіко-феноменологічного «попередника» категорії «рiч». Аналіз праці А. І. Уйомова [6], показав, що «одне» імпліцитно використовується ним у процесі аналізу 1) ототожнення *однакових речей*; 2) при тотожності екземплярованих речей, що абсолютно ідентичні *одна з одною*, як *одни* з багатьох; 3) при метаморфозах *однієї* речі при збереженні її собітотожності, як інваріант перетворень. І таке «не виколюпане» вживання «одного» є загальнопоширеним. Очевидно, що у всіх цих випадках розумова форма «одне» проявляє себе як певний етап у пізнанні речей. Свою **задачу** (у розвиток положень, що їх викладено у [4, 5]) я вбачаю у тому, щоб показати, як у своїх працях Г. Гегель «виколюпував» дану категоріальну форму з її предметно-змістовного стану.

Про «одне» як форму мислення Гегель у великій «Логіці» у розділі «Одне та множина» пише так: «одне» є простим співвідношенням для-себе-буття з самим собою, у якому моменти цього для-себе-буття співпали і в якому для-себе-буття має тому форму безпосередності, а його моменти стають наявно суцими. «Одне» взагалі є у самому собі; це його буття не наявне буття, не визначеність як співвідношення з іншим, не властивість. Як співвідношення негативного з собою, «одне» є процесом визначення, а як співвідношення з собою воно постає як нескінченне самовизначення [Тут і далі виклад за: 1].

Першою формою свідомості, за Гегелем, є безпосередня почуттєва достовірність, котра зупиняється на стадії фіксації якоїсь окремої ознаки того, що дане у почутті, на-

приклад, якщо воно є «білим», то далі чуттєва достовірність не йде: вона нічого, окрім цієї «білизни» не бачить, більш того, ця кольорова визначеність начебто «провисає у повітрі», оскільки прив'язаність її до певного «субстрату», носія, ще відсутня, і причина цього криється у тому, що на даному рівні свідомість ще не здатна зафіксувати просторові кордони того, що дане нам просто як колір (не *щось* «біліє», а просто «біліється»), і, тим більше, не в змозі «домислити» наявність за цим чуттєво даним кольором його носія. На рівні ж сприйняття ми з'ясовуємо просторові кордони дечого такого (сіль), що, окрім «білизни», має ще й солоний смак та кристалічну структуру, і фіксуємо ці властивості вже як такі, що належать *одній* речі, хоча ці її чуттєво дані властивості самі по собі не пов'язані *одна з одною* та виключають *одна одну*.

За Г. Гегелем, буття має у собі опосередкування (структура солі визначає її смак та колір, приміром – О. К.), але оскільки воно *виражає* це у своїй безпосередності, то воно є деякою *розрізною, визначеною* властивістю (колір і смак – розрізнені властивості – О. К.). Тим самим встановлюється *багато* таких властивостей, кожна з яких постає негативною властивістю інших. Ці визначеності суть властивості, котрі суть властивості завдяки дефініції, доданій пізніше, – і вони співвідносяться з *самими собою*, залишаючись байдужими одна до одної.

Про цю обопільну байдужість властивостей Г. Гегель говорить так: ця сіль є одноразово-простим «тут», але рівночасно вона є багаторазовою – вона біла, а *також* гострого смаку, а *також* кубічної форми, а *також* певної ваги тощо. Усі ці багаточисельні властивості суть у деякому простому «тут», жодне з них не має іншого «тут», одначе, разом з тим, хоча вони і не розділені відмінними «тут», вони не впливають одна на одну – біле не впливає на кубічне та не змінює його, а обидві ці властивості не впливають на гостроту смаку тощо. Отже, **проблема** полягає у тому, завдяки чому ми відносимо різні, відмінні, байдужі одна до одної властивості до однієї речі, а не до багатьох речей. І ще одна **проблема** формулюється у запитанні, чи можливе це «збирання» окремих та взаємовиключних властивостей у щось таке, що притаманне одній речі (слова «одна» та «річ» тут є, як побачимо далі, ключовими) на чуттєвому рівні свідомості, де дано лише безпосередню достовірність? Адже Гегель зазначав, що безпосередня достовірність не дає нам істину, оскільки «її істина – це загальне», а на цьому рівні ми можемо сприймати лише дане нам у почуттях «це».

Першим етапом такого «збирання» є усвідомлення того, що те, що ми сприймаємо як колір, смак, форму, *існує*, адже констатація існування чогось відбувається у відповідному розумовому «супроводі». Як пише В. І. Шинкарук, буття – це перша форма думки, в якій осягається предмет [7, с. 121]. У межах чуттєвої свідомості предметом було те, що суб'єкт пізнання, наше «я», «бачило», «чуло», «смакувало» тощо. Про те, що саме це було, дана свідомість не могла сказати нічого, окрім того, що воно «єсть», і єсть «тут» і «тепер», оскільки це було тим, що *відчувалося*, тобто, таким, чого не можна передати словами (колір, смак можна лише відчувати, а виразити у визначеннях думки яким є, приміром, білий колір, неможливо). Коли ж об'єктивний зміст суб'єктивного відчуття виражено у визначеннях думки, то це вже не відчуття, а властивості, якими є «біле» взагалі, «гірке» взагалі тощо. Але *властивості* тому й є властивостями, що вони *властиві дечому*, а саме, дечому *одному*, і цим «одним», зрештою, є те, що згодом визначається як *річ* [7, с. 122].

Тобто, об'єктивовані відчуття постають вже як виразні властивості дечого, що дозволяє прив'язати їх до певного носія, а саме – до речі, але спочатку – до «одного» як до передречової даності, і це відбувається внаслідок переходу від чуттєвої до перцептивної свідомості. Остання вже здатна сприйняти загальне, загальний предмет. В. І. Шинкарук пише, що перцептивна свідомість у «Феноменології» – це зовсім не сприйняття у його звичайному розумінні. Ця свідомість виступає як така діяльність мислення, що має своїм предметом сутність (загальне) у речах, що спостерігаються [7, с. 121]. Тобто, при пере-

ході до свідомості, що сприймає, відчуття (білого тощо) починають розумітися як властивості речі.

Але Г. Гегель ясно показав, що «рiч» у логіко-феноменологічному плані має деяко-го «попередника», про котрого, як правило, не згадують, відразу беручи до уваги власне її, «рiч», та її «властивості», і що без цієї попередньої форми мислення неможливо дати визначення «речі», і це визначення ним дається саме через категорію «одне». Це «одне», пише Г. Гегель, є моментом неґації, котрий просто співвідноситься з собою та виключає інше і завдяки чому *речність* (*вещность*) визначена як *рiч* (*Sache*). У властивості (речі) неґація дана як *визначеність*, що складає безпосередньо *дещо одне* з тією безпосередністю буття, яка завдяки цій єдності з неґацією є загальністю; але як «одне» вона звільнена від цієї єдності з протилежним і сама є в собі і для себе.

Судячи з усього, Гегель говорить тут про ту обставину, що певні властивості речі дають можливість її визначення у негативному плані, тобто, сіль з її білим кольором та гірким смаком *не є* медом з його жовтим кольором та солодким смаком, сіль взагалі багато чим не є, і ця її негативна визначеність співпадає (складає дещо одне як спільне) з безпосередністю її буття як солі. Разом з тим зібрані до купи її властивості прив'язуються до «одності» солі як такої, що є сама в собі і для себе, тобто, до того, що ніяк у властивостях себе поки не проявляє і є лише «базовою підставою», до якої відносяться ті чи інші її властивості.

В. І. Шинкарук з цього приводу пише, що основне протиріччя, яке виявляється при осягненні предмета перцептивною свідомістю, полягає у тому, що цей предмет має визначеність через багатоманітність своїх властивостей, кожна з яких є деякою *загальною* і одночасно *одиночною* (чуттєво даною) визначеністю. Те, що вже *після* чуттєвого пізнання та ще *до* розсудкового пізнання має попередньо бути пізнане у предметі – це не властивості самі по собі (інакше, примічу, виникло би питання, до чого вони відносяться і чи не «висять вони у повітрі» – О. К.), а «одне» цих властивостей, або «для-себе-буття» цього предмету [7, с. 122] (іншими словами, те, до чого вони як до свого носія прикріплюються – О. К.). Після цього, сприймаючи, скажімо, дерево, ми фіксуємо ті чи інші його властивості та особливості за допомогою чуттєвої свідомості, але разом з тим ми зводимо все це розмаїття ознак дерева до певного «одного» як носія цих властивостей. За тим ми вже здатні переходити до пізнання дерева як такого, як «речі», і це відбувається завдяки тому, що дерево, окрім чуттєво даних властивостей, має ще й фіксоване перцептивною свідомістю «для-себе-буття» як дещо «одне», котре вже позбавилось різноманітності почуттєвого сприйняття, але ще не отримало змістовної поняттєвої визначеності. У результаті, пише Г. Гегель, рiч мислиться як «для-себе-буття», як «одне». Визначення речі через категорію «одне» у «Феноменології духа» зустрічається і в інших місцях розділу про свідомість, що сприймає.

Отже, Г. Гегель визначає рiч через «одне», коли її осягнуто у сукупності байдужих одне до одного властивостей, які, попри цю їхню байдужість, всі разом віднесені до чогось «одного». Якщо ми визначимо певну рiч, приміром, сіль, як білу, солону, кристалічну тощо, а після цього відкинемо сформовані через органи почуття визначення та задамося питанням, що ж саме залишилось у даному випадку, що саме ми визначали, то виявиться, що *рiч як така* вже ніяким чином чуттєво нам себе не виказує. Ми фіксуємо лише «голого» «утримувача» властивостей як невизначене «одне», певне *саме-в-собі-буття-для-себе-одного* у границях, завдяки яким воно відділено від інших таких же самих «голих» «одних». Тільки у результаті розуміння *не-одна-кових* речей як таких, що мають дещо спільне, а саме, свою «одність» (завдяки чому вони насправді постають «одна-ковими»), ми можемо рахувати абсолютно відмінні речі на натюрморті як «предмети», різні нумізматичні монети як «штуки», а чемодани, саквояжі, мішки або рюкзаки як «місця» багажу пасажера.

У малій «Логіці» (§ 96), розглядаючи для-себе-буття, Г. Гегель пише: «Для-себе-буття як відношення з самим собою є безпосередність, а як відношення негативного з

самим собою воно є для-себе-сущє, .. одне (das Eins)...» [3, с. 236]. У великій «Логіці» через розгляд «наявного буття і для-себе-буття» (Dasein und Fur-sich-sein) Г. Гегель переходить від визначення «одного» у рамках «для-себе-буття» до наступного його схоплення, як «буття-для-одного» (Sein-fur-Eines).

Тобто, як на мене, тут йдеться про те, що річ, яка не має жодних відносин з іншими речами, рано чи пізно ці відносини встановлює, і «виходячи себе», стає на-Явним (буттям). «Відпускаючи» свої властивості «назовні», річ отримує наявне буття – через властивості річ заявляє про себе наочно, як «буття-для-іншого» (у взаємодії з іншими речами та явищами її властивості актуалізуються). Уявимо тепер, що речі взагалі немає з чим взаємодіяти. Її властивості згорнуті, однак при цьому їхній носій не зник. Тоді відбувається обертання буття-для-іншого на «нескінчену єдність для-себе-буття». Власне, йдеться про єдність (одність) цього носія для самого себе. Цей момент «для-себе-буття» постає тоді як «буття-для-одного» (Sein-fur-Eines). Тобто, річ без властивостей буде відноситися лише сама із собою («буття-для-одного»), постаючи відтепер як деяке «голе», безвластивісне «одне».

Показово, що достатня незвичність подібної постановки проблеми та нерозробленість такої категоріальної форми мислення, як «одне», викликала деякі труднощі у перекладах. Так, у першому радянському виданні «Науки логіки» вислів «Was fur eines?» замість «Що це за одне?» було перекладено як «Що це для одного?». На мій погляд, це не відповідає смислу, що його прагнув викласти Гегель. Тут насправді йдеться про постановку питання про дещо таке, що не має поки що ніяких визначень, але ці визначення, мірою їх формулювання, мають бути «прикріплені» до певної собітотожної та оберненої на саму себе «одності», тобто, на «буття-для-одного», або, власне, на «одне». Перед тим, як дати такі визначення, ми повинні спочатку окреслити границі замкненій на себе невизначеній «одності», відокремленій від усього іншого.

Як вже згадувалось, Гегель писав, що всі люди користуються категоріями, але не усвідомлюють цього. Висловлювання «Лист дерева зелений» будується на таких категоріях, як якість (який – зелений), кількість (це слово тут у граматичній однині), лист існує (категорія сущого) тощо. Це стосується й категорії «одного», але не стільки як «одного» у протилежність «багатьом» листям, скільки в означеному сенсі «одності» листа, котре як поки ще щось невідоме було попервах виділено у певних контурних границях, а потім змістовно визначено. «Інвертоване» в себе «одне» згодом отримує якісні та сутнісні визначення, коли «дещо одне» трансформується на безпосередньо дану у сприйнятті окрему річ, вже схоплену у понятті. До цього моменту стосовно даного листа дійсно можна було запитати «Що воно за одне?»

Слід сказати, що розвиток пізнання предмету в межах такої розумової форми, як *одне*, може йти двома напрямками – перший було шойно окреслено, і полягає він у поглибленні знання про предмет шляхом переходу від абстрактного знання про нього як про деяке невизначене (окрім існування та границь) «одне» до змістовного знання про певну річ. У багатьох мовах ця відмінність фіксується за допомогою артиклів (у розмовній українській мові також збереглося щось на кшталт артикля – як *той, оно, сей*). У даному випадку вислів «(ця) хмара біла» англійською буде виглядати як *the cloud is white*, де визначений артикль вказує на даний тут и тепер предмет – *this cloud is white* (порівн. англ. *that*, укр. – *то, той*, рос. *э-том*) – ця, і саме ця хмара є білою. Відповідно до «негативного» визначення, цю хмарину відрізняє від інших хмар те, що вона не є сірою, сизою, фіолетовою, золотавою тощо.

Другий варіант розвитку «одного» полягає у визначенні даного предмету як одного з багатьох інших таких самих предметів. У даному випадку велика кількість мов використовує невизначений артикль, який або прямо (італ. «uno»), або побіжно (англ. «a»), що історично сходить до того ж «one», одне) використовує мовний засіб «одне» у значенні «невизначене одне з багатьох таких самих одних». Через це у вислові *a white cloud* фіксується, що це – *одна (one white cloud)* хмарка з *багатьох* інших білих хмар, тоді як *a*

gray cloud буде позначати *одну (one gray cloud)* сіру хмарину з *багатьох* сірих хмар. Щось схоже маємо і в нашій мові. Говорячи про те, що «я зустрів сьогодні одного приятеля» (неважливо, якого) я маю на увазі, що я зустрів «одного» з «багатьох інших» приятелів. Г. Гегель у великій «Логіці» у примітці «Положення про єдність одного та множини», писав, що «кожне одне є одне з багатьох».

Відмінності між першим та другим застосуванням «одного» можна продемонструвати на таких прикладах. У випадку, коли я говорю, що «я читав одну книжку, і там написано, що...», то тут йдеться про розкриття змісту книги, а не про книгу як про *одну з багатьох* інших книг. Ми студентами колись жартували, відповідаючи на запитання, де ти був, фразою «Тама, в одному місці» – і тут це невизначене місце постає одним з багатьох можливих місць, де ми могли б бути. Якщо ж почати описувати це місце, то вже йшлося б про місце якісно визначене.

Зворотне повернення від речі до «одного» відбувається, як в англійській, при заміні у реченні поняття про річ словом «один» у значенні «один і той самий» *«I have a byke and I like this one»*.

Говорячи на підсумок, категорія «одне» у пізнанні виконує свою логіко-феноменологічну функцію двічі, коли, як зазначав філософ у «Феноменології духу», «свідомість необхідно проходить знову по цьому колу». У першому випадку відбувається перехід від кількості до якості, коли, по-перше, «одне» як абстрактна кількість однини веде у процесі поглиблення нашого знання до якісних визначень певної речі, а по-друге, коли якісно тотожні, «одні й ті ж самі» речі у своїй множинній сукупності дають перехід якості у кількість (величину та число).

Таким чином, за думкою Гегеля, «одне» – це важливий момент розвитку пізнання, пов'язаний з переходом від безпосередньої чуттєвої даності до раціонального пізнання, а також для опису переходу кількісних визначень у якісні і навпаки. Неможливо з'ясувати кількісні, якісні, сутнісні визначеності того, що попередньо не було визначене як деяке *одне*, котре до цього ще перебувало у аморфному мерехтінні плинної чуттєвої континуальності. Для таких визначень необхідно зупинити цю плинність, зафіксувати її як сталий, тотожній собі, нехай поки що у вкрай відверненій, абстрактно-бідній формі, фрагмент буття, що має очевидні границі. Однак оскільки стійкість та сталість на цьому етапі пізнання категоріально закріпити ще нема чим, то формується скудне за своїм змістом категоріальне утворення – категорія «одне», котре задає кордони предмету майбутнього змістовного пізнання. Деяка «пауза» у пізнанні, що пов'язані з цим переходом, формується Гегелем у такий прикметній формі – *«Was fur eines?» «Що це за одне?»* У дивному, як на перший погляд, виразі нашої мови, зазначає Гегель, при задаванні питання про якість *Was fur ein Ding etwas sei?* (що за одне це дещо?) підкреслюється момент рефлексії-всередины-себе. Тут не питається, чим є ця річ *A* для іншої речі *B*, не питається, ким є ця людина для іншої людини, а питається, що це за річ, за людина (взяті самі по собі – О.К.), так що це буття-для-одного повернулось у той самий час у саму цю річ, у саму цю людину [1]. Іншими словами, ми ще до того, як приступимо до з'ясування того, чим є ця річ чи ця людина, повинні окреслити певні границі свого предмету визначення, і з'ясувати їх безвідносно до того, як вони себе ще у наступному проявлять у стосунках з іншими речами чи іншими людьми. Тут вже зафіксовано просторову локальну обмеженість предмету пізнання, але ще цілком не знято його чуттєвої даності. При цьому ніякого змістовного знання про предмет ми ще не маємо. Цей етап пізнання є необхідним попереднім кроком перед наступним категоріально-раціональним схопленням сутності речі, її властивостей та відносин.

Список літератури:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель – Спб., 1997 – 441 с. – (Розд. «Одно»; «Одно и Многое»). [Електронний документ. Режим доступу: http://royallib.com/book/gegel_fridrih/nauka_logiki.html]

2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – (Розд. А. «Сознание». Підрозд. 1. «Чувственная достоверность или “это” и мнение»; 2. «Восприятие или вещь и иллюзия»). – [Электронный документ. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/gegel02/>]

3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук – Т. 1. – Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – Акад. наук СССР. Ин-т философии – М.: Мысль, 1975 – 253 с. [Философское наследие. Серия].

4. Кирилюк А. С. Онтология, гносеология и логика одного и множества в идеалистической диалектике Гегеля / Александр Сергеевич Кирилюк, Аслан Гусаевич Гаджикурбанов // Категории «одно» и «множество» ; ред. кол. М. А. Парнюк, А. С. Кирилюк и др. ; Акад. наук Украины; Центр Гуманитарн. Образ. – К.: Наук. Думка, 1992 – 236 с. – сс. 106-112. [Диалектика и теория познания – Серия].

5. Кирилюк А. С. Терминологический анализ категорий «одно» и «единое» / Александр Сергеевич Кирилюк, Михаил Алексеевич Парнюк // Категории «одно» и «множество» ; ред. кол. М. А. Парнюк, А. С. Кирилюк и др. ; Акад. наук Украины; Центр Гуманитарн. Образ. – К.: Наук. Думка, 1992 – 236 с. – сс. 24-30. [Диалектика и теория познания – Серия].

6. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения / Авенир Иванович Уёмов – М.: Изд-во академии наук СССР, 1963 – 184 с.

7. Шикарук В. И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля / Владимир Илларионович Шинкарук // Шинкарук В. І. Вибрані твори у 3 томах. – Т. 2. – К.: Український Центр духовної культури, 2003 – сс. 41-407. [Філософська спадщина України – Серія].

Кравчик М. А.

МЕТАФОРА В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ (на примере посланий ап. Павла)

В изучении природы и функций метафоры задействован широкий круг гуманитариев, начиная от лингвистов и литературоведов, и заканчивая историками, политологами, логиками и методологами. Когнитивная теория метафоры, предложенная Дж. Лакоффом, основывается на том, что метафора имеет дело с проблемой понимания: «метафоры позволяют понимать одну область опыта в терминах другой» [1, с. 148]. Это происходит, как считает Дж. Лакофф, потому, что метафоры строятся на основе нашего опыта, который представляет собой не соединение различных понятий, а структурированное целое – «эмпирический гештальт». Такие гештальты «представляют собой внутренне согласованные способы организации опыта в терминах естественных измерений (частей, этапов, причин и т.п.)» [1, с. 149]. Поскольку они базируются на обычных действиях человека в повседневной жизни: взаимодействием с материальным окружением и взаимодействием с другими людьми в социально-культурном окружении, а также обусловлены особенностями устройства тела человека, их можно назвать «естественными видами опыта» [Там же].

Таким образом, наше мышление по своей природе метафорично: категории понятийной системы человека представляют собой «интерактивные характеристики», возникающие в результате его взаимодействия с физическим и культурным окружением. Одним из важных выводов из когнитивной теории метафоры следует считать вывод о том, что метафора представляет собой инструмент, «который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека». Она обладает способностью «превращать незнакомую действительность в знакомую», и, следовательно, может быть использована для передачи опыта и знания от одной культурной среды к другой [2, с. 85].

Именно такую задачу решал ап. Павел, который будучи евреем по рождению и фарисеем по религиозному воспитанию, обратился с проповедью Евангелия к язычникам. Действительно, как отмечают многие исследователи деятельности ап. Павла (Дж. Данн, Т. Райт, М. Нанос и др.) метафоры занимают значительное место в посланиях апостола. К числу наиболее известных метафор, употребляемых Павлом, относят такие метафоры как «христологическая», «соматическая» («церковь есть тело»), «храмовая» («церковь как храм Бога»), метафора христианской жизни как «сражения», «спортивного состязания», и т. д. [5, с. 51-53]. Для того чтобы исследовать функции метафоры и ее назначение в религиозном тексте, обратимся к некоторым важным и широко дискутируемым метафорам ап. Павла.

Наиболее значимым историческим достижением ап. Павла считается его успешная миссионерская деятельность, заключавшаяся в основании достаточно большого числа церквей в различных городах и областях Малой Азии. Церковь представляла собой новый вид объединения верующих, которое основывалось на единстве веры в жизнь и воскресение Иисуса Христа и признании исполнения мессианских пророчеств. Как считает, Т. Райт, понятие «церковь» лежало в основе общего мировоззрения Павла, поэтому для него было особенно важным передать свое новое учение о церкви [8].

Первой из рассматриваемых метафор, касающихся церкви может быть рассмотрена «соматическая» метафора, в которой церковь верующих сравнивается с телом: «ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много составляют одно тело... [1 Кор. 12:12] (См. также: Рим. 12:4-5; 1 Кор. 12: 27; Ефес. 5:30). Дж. Лакофф называет такие метафоры «онтологическими», поскольку основаны на нашем опыте обращения с физическими объектами. Они наиболее «существенны для нашей понятийной системы; без них мы не смогли бы функционировать в этом мире – не могли бы рассуждать и общаться» [1, с. 97]. Исходя из этого, можно отнести также этот вид метафор к

таким, которые имеют универсальное значение, независимое от того социо-культурного окружения, к которому мы относимся. Действительно, метафора тела как некоторой общности людей была широко распространена в греко-римском мире, ею пользовались такие авторы, как Платон, Ливий, Цицерон, Эпиктет и Плутарх [5, с. 51].

Ответить на вопрос: заимствовал ли ап. Павел эту метафору из классической литературы или нет, довольно затруднительно. Но несомненно одно, если обратиться к контекстуальному изучению этой метафоры, то становится очевидным, что Павел использует ее для достижения практической цели – а именно, объяснению того, как должна функционировать и развиваться церковь. Это является значимым в свете того, что церковь объединяла представителей разных социальных слоев общества (от рабов и до богатых землевладельцев), имеющих различные мировоззренческие установки и разное этническое происхождение. Установление взаимопонимания и солидарности между членами такого сообщества становится крайне важной и довольно трудной задачей, с которой апостолу, тем не менее, удалось справиться.

Еще одна метафора ап. Павла, которая затрагивает вопросы отношений между верующими в церкви (евреями и язычниками), которая настолько привлекла внимание исследователей, что споры о ней не утихают до настоящего момента. Речь идет о тех местах из послания ап. Павла к Римлянам (11 гл.), в которых он рассуждает о судьбах Израиля и язычников в свете эсхатологического спасения. Павел в ходе своих рассуждений обращается к метафоре «оливкового дерева» («olive tree metaphor»), которое имеет корень, привитые ветви и природные ветви (См.: Рим. 11: 16-24). Интерпретация этой метафоры, представленная в работах западных теологов, начиная от времени М. Лютера и Ж. Кальвина, затем К. Барта [3] и до Т. Райта [7], сводится к христологическому объяснению. «Корень», являющийся основанием оливкового дерева «церкви», – это Иисус Христос, «природные ветви» – народ Израиля: «часть, из которых остались на дереве» – евреи, принявшие Мессию, а «часть, которые отломились», отвергнувшие Его; «привитые ветви» – обращенные из язычников верующие.

Но в последних исследованиях (М. Наноса [6], Д. Бивена [4] и др.) это истолкование подвергается критике и предлагается новая еврейская интерпретация. «Оливковое дерево» – это Израиль, который держится на «корне» – Аврааме и патриархах, хотя ветви остаются прежними: «отломившиеся» (евреи) и «привившиеся» (язычники). Но такое, казалось бы, незначительное изменение истолкования метафоры имеет различные теологические импликации. Если мы принимаем христологическое истолкование, то спасение народа Израиля в последние времена не столь важно, поскольку все обетования уже принадлежат церкви Христа («привитые ветви заняли место природных ветвей, которые отломились») и этот отрывок становится одним из аргументов в пользу теории «замещения»: церковь занимает место Израиля в последние времена. Если мы отвергаем эту интерпретацию и принимаем другое толкование, то получается, что ап. Павел пишет о том, что спасение Израиля в последние времена непременно произойдет, но вот спасение язычников будет зависеть от их верности Богу и от отношения к Израилю.

Таким образом, подводя итоги применения ап. Павлом различных метафор в своих посланиях, можно сделать вывод о том, что, во-первых, в религиозных текстах использование метафор позволяет передавать наиболее значимые для данной религии доктрины и учения, имеющие универсальный характер (например, учение о церкви); во-вторых, метафоры являются «открытыми категориями» и становятся источником для различных теологических интерпретаций, что создает почву для развития той или иной религиозной системы.

Список литературы:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и М.В. Морозовой. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

3. Barth K. Church dogmatics. Vol. II. Part 2. The Doctrine of God. – Bloomsburg Academic, 2004. – 832 p.
4. Bivin D. Romans 11: The Olive Tree`s Root // Jerusalem Perspective // <http://www.jerusalemerspective.com/4612/>
5. Michael `deji Olajide. The Use of Metaphor in Pauline Theology // Research on Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol.5, No.14. – P. 51-55.
6. Nanos M. The Mystery of Romans: the Jewish context of Paul`s letters. – Fortress Press, 1996. – 448 p.
7. Wright N.T. The Letter to the Romans: Introduction, Commentary, and Reflections // The New Interpreter's Bible: A Commentary in Twelve Volumes. Edited by Leander E. Keck. – Nashville: Abingdon, 2002. – P. 393-770p.
8. Wright N.T. Paul and the Faithfulness of God. – Fortress, 2013. – 1696 p.

Леоненко Л. Л.

О ПРИНЦИПЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ДЛЯ СИСТЕМ С АТТРИБУТИВНЫМ КОНЦЕПТОМ

В параметрической общей теории систем принимается так называемый принцип универсальности, согласно которому произвольный предмет может быть представлен в виде некоторой системы [1, с.22]. В работе [2] было показано, что в некоторых исчислениях языка тернарного описания (ЯТО) этот принцип формально недоказуем. Вместе с тем в [2] было построено исчисление ЯТО ChG-2, в котором для любой формулы \mathfrak{A} можно указать такой йота-оператор ι и такие формулы \mathfrak{B} и \mathfrak{C} , что доказуемы формулы

$$\mathfrak{C}([\iota\mathfrak{A}^*]\mathfrak{B}) \quad \text{и} \quad \mathfrak{C} \Rightarrow t \quad (1)$$

которые в совокупности описывают $\iota\mathfrak{A}$ как систему.

В этом описании $\iota\mathfrak{A}$ является системой с *реляционным* концептом. Оставался открытым вопрос, может ли произвольная формула \mathfrak{A} быть представлена как система с *аттритивным* концептом. Этот вопрос рассматривается в докладе.

Теорема 1. Пусть \mathfrak{F} – произвольная *открытая* формула исчисления ChG-2, содержащая некоторую собственную подформулу $\iota\mathfrak{A}$. Тогда существуют такие формулы \mathfrak{B} и \mathfrak{C} , что в ChG-2 доказуемы формулы

$$\mathfrak{F} \supset ([\mathfrak{B}^*\iota\mathfrak{A}])\mathfrak{C} \quad \text{и} \quad \mathfrak{C} \Rightarrow t \quad (2)$$

Эскиз доказательства. В силу схемы аксиом **D1** исчисления ChG-2 формула \mathfrak{F} имплицитно приписывает предмету $\iota\mathfrak{A}$ свойства, выражаемого некоторой формулой \mathfrak{D} :

$$\mathfrak{F} \supset (\iota\mathfrak{A}^*)\mathfrak{D} \quad (2^a)$$

и при этом $\mathfrak{D} \Rightarrow t$ (сравн. правило **RK** из работы [3, р.607]).

Формула (2^a) является открытой и содержит по крайней мере две непересекающиеся подформулы вида $\iota\mathfrak{A}$: одна из них входит в антецедент, а вторая в консеквент (2^a). Таким образом, к этим подформулам применима схема аксиом **D2** исчисления ChG-2. В силу **D2** формула (2^a) имплицитно приписывает списку $\iota\mathfrak{A} \cdot \iota\mathfrak{A}$ отношения, выражаемого некоторой формулой \mathfrak{B} : $\{ \mathfrak{F} \supset (\iota\mathfrak{A}^*)\mathfrak{D} \} \supset \mathfrak{B}^*(\iota\mathfrak{A} \cdot \iota\mathfrak{A})$. При этом $\mathfrak{B} \Rightarrow t$. Если учесть, что $\iota\mathfrak{A} \cdot \iota\mathfrak{A} \Rightarrow \iota\mathfrak{A}$, отсюда нетрудно получить

$$\{ \mathfrak{F} \supset (\iota\mathfrak{A}^*)\mathfrak{D} \} \supset \mathfrak{B}^*(\iota\mathfrak{A}) \quad (2^b)$$

Формула (2^b) является открытой и содержит вхождение подформулы \mathfrak{B} . Поэтому к ней применима схема аксиом **D1**:

$$\{ \{ \mathfrak{F} \supset (\iota\mathfrak{A}^*)\mathfrak{D} \} \supset \mathfrak{B}^*(\iota\mathfrak{A}) \} \supset (\mathfrak{B}^*)\mathfrak{C} \quad (2^c)$$

и при этом $\mathfrak{C} \Rightarrow t$.

В ChG-2 принимается схема аксиом **A5**: $(\iota_2\mathfrak{J}^*)\iota_1\mathfrak{J} \supset (\iota_2\mathfrak{J})\iota_1\mathfrak{J}$. В силу **A5** доказуемо $(\iota_2\mathfrak{B}^*)\iota_1\mathfrak{C} \supset (\iota_2\mathfrak{B})\iota_1\mathfrak{C}$. Но поскольку как \mathfrak{B} , так и \mathfrak{C} являются λ -формулами, т.е. обозначают *определённые* предметы, правило **RJ** исчисления ChG-2 позволяет удалить йота операторы, так что доказуема формула $(\mathfrak{B}^*)\mathfrak{C} \supset (\mathfrak{B})\mathfrak{C}$.

Учитывая это, из формул (2^a) – (2^c) нетрудно получить доказуемость формулы $\mathfrak{F} \supset ([\mathfrak{B}^*\iota\mathfrak{A}])\mathfrak{C}$. Таким образом, (2) имеет место.

Следствие 1.1. Пусть \mathfrak{A} – произвольная формула исчисления ChG-2. Существуют такой йота-оператор ι и такие формулы \mathfrak{B} и \mathfrak{C} , что доказуемы формулы

$$([\mathfrak{B}^*\iota\mathfrak{A}])\mathfrak{C} \quad \text{и} \quad \mathfrak{C} \Rightarrow t$$

которые в совокупности описывают $\iota\mathfrak{A}$ как систему с атрибутивным концептом.

Действительно, возьмем в качестве ι произвольный йота-оператор, не входящий в формулу \mathfrak{A} ; и выберем произвольную *доказуемую* открытую формулу \mathfrak{F} , содержащую $\iota\mathfrak{A}$ как собственную подформулу. В качестве \mathfrak{F} подойдут, например, формулы $\iota\mathfrak{A} \Rightarrow \iota\mathfrak{A}$, $(\iota\mathfrak{A})\iota\mathfrak{A}$, etc. Ввиду доказуемости \mathfrak{F} , из теоремы 1 вытекает утверждение следствия 1.1.

Теорема 2. Пусть ξ – произвольная *открытая* формула исчисления ChG-2, содержащая некоторую собственную подформулу \mathfrak{A} . Тогда существуют такие формулы \mathfrak{D} , \mathfrak{B} и \mathfrak{C} , что \mathfrak{D} есть собственная подформула формулы ξ , не пересекающаяся с \mathfrak{A} , и в ChG-2 доказуемы формулы

$$\xi \supset [\mathfrak{B}(*\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{D})]\mathfrak{C} \quad \text{и} \quad \mathfrak{C} \Rightarrow t. \quad (3)$$

Эскиз доказательства. Прежде всего, из открытости формулы ξ вытекает, что ξ содержит некоторую собственную подформулу \mathfrak{D} , *не пересекающуюся* с подформулой \mathfrak{A} . Это следует из определения понятия открытой формулы в ChG-2 (заметим, что это верно также для любых известных мне формулировок исчислений ЯТО).

Поскольку подформулы \mathfrak{A} и \mathfrak{D} не пересекаются, к ним применима схема аксиом **D2** исчисления ChG-2. В силу **D2** формула ξ имплицирует наличие отношения, реализуемого на списке $\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{D}$ и выражаемого некоторой формулой \mathfrak{B} :

$$\xi \supset \mathfrak{B}(*\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{D}) \quad (3^a)$$

Формула (3^a) является открытой и содержит вхождение подформулы \mathfrak{B} . Поэтому к ней применима схема аксиом **D1**:

$$\{ \xi \supset \mathfrak{B}(*\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{D}) \} \supset (\mathfrak{B}^*)\mathfrak{C} \quad (3^b)$$

и при этом $\mathfrak{C} \Rightarrow t$.

В (3^b) как \mathfrak{B} , так и \mathfrak{C} являются λ -формулами, так что применив схему аксиом **A5** и правило **RJ** исчисления ChG-2, получим доказуемость формулы $(\mathfrak{B}^*)\mathfrak{C} \supset (\mathfrak{B})\mathfrak{C}$.

Учитывая это, из формул (3^a) – (3^b) нетрудно получить доказуемость формулы $\xi \supset ([\mathfrak{B}(*\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{D})])\mathfrak{C}$. Таким образом, (3) имеет место.

Следствие 2.1. Пусть \mathfrak{A} – произвольная формула исчисления ChG-2. Существуют такой йота-оператор ι и такие формулы \mathfrak{B} и \mathfrak{C} , что доказуемы формулы

$$([\mathfrak{B}(*\mathfrak{A} \cdot \iota^\circ)])\mathfrak{C} \quad \text{и} \quad \mathfrak{C} \Rightarrow t$$

которые в совокупности описывают \mathfrak{A} как *неимманентную* систему с атрибутивным концептом.

Действительно, возьмем в качестве ι произвольный йота-оператор, не входящий в формулу \mathfrak{A} ; и выберем произвольную *доказуемую* открытую формулу ξ , содержащую \mathfrak{A} и ι° как непересекающиеся собственные подформулы. В качестве ξ подойдет, например, формула $\{\mathfrak{A} \Rightarrow a\} \cdot \{\iota^\circ \Rightarrow a\}$. Ввиду доказуемости ξ , из теоремы 2 вытекает утверждение следствия 2.1, если выбрать ι° в качестве \mathfrak{D} .

Следствие 2.1 утверждает, что произвольную формулу \mathfrak{A} можно представить не просто как систему, но как *неимманентную* систему. «В неимманентной системе системообразующее отношение охватывает <помимо субстрата – Л.Л.> также элементы, выходящие за рамки данной системы» [1, с.168; 4, р.147].

Таким образом, следствие 2.1 выражает более сильное утверждение, чем принцип универсальности (выражаемый следствием 1.1). Такое усиление может показаться чрезмерным. Представляется весьма вероятным, что в *общем* случае ответ на вопрос «Может ли произвольный предмет быть представлен в виде некоторой *неимманентной* системы?» должен быть *отрицательным*. Означает ли это, что полученное выше следствие 2.1 теоремы 2 влечет противоречие?

На мой взгляд, это не так. "Произвольному предмету" в языке тернарного описания сопоставляется произвольная формула языка λ . Являясь формулой, она "подчиняется" принятым в ЯТО "законам" – аксиоматике и правилам вывода. Будучи приняты, эти за-

коны (или часть их) могут характеризовать формулу \mathcal{A} как систему с особыми свойствами. Последние суть следствия *особого* характера концепта \mathcal{E} и структуры \mathcal{B} системы, субстратом или частью субстрата которой выступает формула \mathcal{A} . Как оказалось, в исчислении ChG-2 неимманентность является одним из таких особых свойств.

Это не препятствует тому, что при выборе *иных* формул ЯТО \mathcal{E} и \mathcal{B} , формально описывающих концепт и структуру системы, последняя будет обладать свойством имманентности. Выбор таких \mathcal{E} и \mathcal{B} может диктоваться не только и не столько законами ЯТО, сколько характером предметов, явлений и/или ситуаций, подлежащих формализации. В процессе последней ЯТО может "пополняться" новыми аксиомами и правилами, учитывающими специфику предметной области.

С другой стороны очевидно, что коль скоро для некоторой формулы \mathcal{A} ЯТО тем или иным способом доказано или постулировано, что она представляет собой систему (т.е. для \mathcal{A} имеют место соотношения, описываемые следствием 1.1), можно поставить следующий вопрос: обладает ли эта система какими-то значениями системных параметров, которые суть следствия *только* аксиом и правил вывода "чистого" ЯТО?

В случае положительного ответа могут возникать сомнения: отражают ли указанные значения системных параметров специфику моделируемой в ЯТО системы, не "навязываются" ли они ей законами ЯТО?

Если такие сомнения будут сочтены обоснованными, то путь их преодоления – уточнение предложенной ЯТО-модели.

Следует заметить, что эта проблема специфична не только для ЯТО, но и для иных математических средств моделирования. Например, если мы аппроксимируем функцию, заданную узлами интерполяции, алгебраическим полиномом нечетной степени, то вынуждены считаться с тем, что у этого полинома имеется хотя бы один вещественный корень. В случае, когда такое свойство признается нежелательным, приходится уточнять модель (например, заменяя полином сплайнами того или иного порядка, etc.).

Список литературы:

1. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
2. Леоненко Л. Л. Логико-философский анализ системного представления объектов (исчисления языка тернарного описания): Дис. ... канд. филос. наук. – Киев, ИФ АН УССР, 1985. – 262 с.
3. Уёмов А. The Ternary Description Language as Formalism for the Parametric General Systems theory: Part III // Int. Journal of General systems, 2003, Vol. 32 (6), p. 583–623.
4. Уёмов А. The Ternary Description Language as Formalism for the Parametric General Systems theory: Part II // International Journal of General Systems, 2002, Vol. 31(2), pp.131 – 151.

Московская Е. А.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧУДИНОВА

А.П.Чудинов выступает как один из ведущих исследователей политической метафоры на постсоветском пространстве. В рамках данного небольшого аналитического фрагмента мы задаемся целью проанализировать основные принципы научного творчества человека, создавшего некоторое направление в метафорологии. Постановка подобной цели кажется созвучной общим настроениям Чтений, посвященных памяти Авенира Ивановича Умова – философа, в свое время также сформировавшего собственную школу системного анализа.

Обращаясь к работам А.П.Чудинова важно отметить его весомый вклад в формирование и развитие так называемой *Уральской школы политической метафорологии*. Этот масштабный проект, основанный в конце прошлого века, на сегодняшний день является важной площадкой фиксации и анализа ведущих тенденций в изучении политической метафоры в рамках когнитивных исследований. Среди постулатов школы особый акцент делается на использовании дискурсивного подхода. Имеется в виду, что, в первую очередь, авторы акцентируют свое внимание на функционировании метафор в том или ином тексте, который является продуктом современного политического дискурса. При этом учитывается и авторская составляющая, ведь автор всегда выступает как творец метафоры и привносит в нее свои личностные характеристики. В целом эти особенности отсылают нас к следующему постулату Уральской школы политической метафорологии – использование, в том числе, *национально-культурного подхода*. Этот постулат подразумевает анализ национальной когнитивной картины мира, а не использование исключительно формальных категорий. Помимо этого важно обратить внимание на широкое применение сопоставительных методик, которые позволяют обнаружить множество уникальных метафорических оттенков, дополняющих формирующуюся картину мира.

Важнейшим правилом школы является обращение к принципам интуитивизма и междисциплинарности [см.: 1].

В корпусе работ А.П. Чудинова следует выделить две монографии, которые обладают высоким индексом цитирования. Речь идет, в первую очередь, о книге «Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)», а также исследование под названием «Очерки по современной политической метафорологии». Мы считаем необходимым отметить, что эти монографии представляются как своего рода иллюстрация к указанным выше принципам *Уральской школы политической метафорологии*.

«Россия в метафорическом зеркале...» демонстрирует два фундаментальных тезиса. *Первый* заключается в том, что в рамках когнитивной лингвистики метафора трактуется как форма мышления и особое средство воздействия на чувства, интеллект и волю человека (адресата). Отсюда особое место занимает скрупулезный анализ метафорических образов, ведь они выступают не только как способы изучения ментальных процессов, но и национального самосознания. *Второй* тезис базируется на представлении о том, что сама по себе политическая метафора обладает динамичной природой, и ей присущи характеристики типа «здесь и сейчас». Но, с другой стороны, любая метафора «вписана» в систему основных понятий той или иной культуры [2].

Возвращаясь к описываемой монографии А.П.Чудинова невозможно не подчеркнуть ее, фактически, хрестоматийный характер. Автор выделяет своеобразное ядро, присущее исследованиям постсоветской политической метафоры. При этом советская эпоха в изучении метафор представляется как чрезвычайно важный этап в развитии метафорологии, незаменимое поле для исследований.

Много страниц текста автор уделяет очень важному подходу к изучению метафор, который может быть назван как «анализ с позиций соответствия норме» [см.: 2 с.22]. Такой анализ, с точки зрения А.П. Чудинова, в основном имеет критический характер, несмотря на то, что призван изучить и описать как можно больше новых явлений в языке без их оценки. Детальный взгляд на новые метафорические образования, появляющиеся в языке, подразумевает обращение к исследованию политического дискурса в целом, применение тех или иных коммуникативных стратегий, внимание на возможных проявлениях речевой агрессии. В недрах политического дискурса вызревают «авторские метафоры», которые оседают в программных документах тех или иных политических партий. Что касается методов исследования, то за основу берутся методы когнитивизма, структурализма, психолингвистики и когнитивистики [2].

Помимо приведенных принципов работы с политическими метафорами, указанными выше, автор считает необходимым дать детальное пояснение текстам, которые и формируют интересующую исследователей среду. Важно понимать присущий им характер, особенности создания и функционирования. А.П. Чудинов акцентирует внимание на том, что за основу были взяты тексты агитационно-политической направленности, напечатанные в СМИ, ориентированных на широкий круг читателей. Сами по себе агитационно-политические тексты призваны увлечь адресата и повести его за собой.

Особое место исследователь отводит рассмотрению функций метафоры и метафорическому моделированию. *Метафорическое моделирование* представляется А.П.Чудиновым как «...отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области» [2, с.49].

Помимо *когнитивной* функции, политическая метафора обладает и целым рядом других, не менее значимых.

В рамках *номинативной* функции метафора выступает как особый «фиксатор» знания, в тех случаях, когда у той или иной реалии нет общепринятого краткого наименования. С помощью *коммуникативной* функции какая-либо новая информация представляется в краткой и доступной для адресата форме. *Прагматическая* функция направлена на формирование необходимого оратору эмоционального состояния у адресата. *Изобразительная* функция передает сообщениям образность, яркость, эстетичность. В рамках данной функции можно говорить о создании общепринятых стандартах и штампах. *Инструментальная* функция может рассматриваться как наиболее манипуляционная во всем приведенном ряду, так как с ее помощью субъект формирует «собственное» представление о мире (*кавычки поставлены мной, – Е.М.*). Посредством *гипотетической* функции создается предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта, опираясь на эту особенность метафоры, мы можем представить что-либо **еще не до конца осознанное**. *Моделирующая* функция, (также носит название схематизирующей), создает некую модель мира и уясняет присущие ему взаимосвязи между существующими в нем элементами. *Эвфемистическая* функция метафоры состоит в передаче той или иной информации, которую автор метафоры по тем или иным причинам не предоставляет в открытой форме. Последней функцией метафоры выступает *популяризаторская*, с помощью которой та или иная сложная идея может быть представлена в более доступной форме, что необходимо для неподготовленного адресата[2].

В рамках монографии «Очерки по современной политической метафорологии» А.П.Чудинов фиксирует еще одну функцию метафоры – *эстетическую*. Несмотря на то, что эта сторона метафоры обязательно отсылает к художественному дискурсу, необходимо отметить, что она также присуща и политическому дискурсу. Эстетическая функция метафоры отвечает за образность произносимой речи, адресату она может показаться более глубокой и точной по смыслу, но автор призывает рассматривать эту функцию как упаковку для того или иного смысла, который должен быть донесен адресату [3].

В качестве промежуточного вывода А.П. Чудинов формулирует тезис о том, что «...рассмотренные функции метафоры, и особенно их варианты, лишь относительно автономны, в конкретных текстах они тесно переплетаются между собой. Нет сомнений в том, что в зависимости от ситуации значимость той или иной функции метафоры может возрастать или уменьшаться, но у нас пока нет инструмента для точного количественного определения соотношения рассматриваемых функций в конкретном тексте» [3, с.25].

Следующим важным этапом исследования выступает характеристика и последовательная классификация метафорических моделей, которые были упомянуты выше. Метафорическая модель раскрывается автором и как некая существующая или же складывающаяся в сознании взаимосвязь между понятийными сферами. В рамках политического дискурса анализ сложившихся и функционирующих метафорических моделей очень важен, так как не только выявляет тенденции внутри политического дискурса, но и «...помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка» [3, с.31].

В заключение отметим, что за последние десятилетия исследования А.П. Чудинова обрели статус проводника в мире постсоветской политической метафорологии. Все скрупулезные наработки автора могут быть с успехом применены и к реалиям современной украинской действительности.

Список литературы:

1. Чудинов А.П. Принципы Уральской школы политической метафорологии [Текст]/А.П. Чудинов//Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013.– №1(23) .– С. 66-72.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) [Текст]/А.П. Чудинов.– Екатеринбург: Урал гос. пед. ун-т, 2001.–238 с.
3. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии [Текст]/А.П. Чудинов.– Екатеринбург: Урал гос. пед. ун-т, 2013.–176 с.

Нерубасская А. А.

БИФУРКАЦИИ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ И ИЛЛЮЗИЯ ЗНАНИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Более пятидесяти лет тому назад, международное признание получило понятие «научный потенциал». «Классическая схема, характерная для индустриальных обществ, уступает место новой модели. Ранее исходной точкой движения знания считались фундаментальные исследования. Далее, через поиск их практических приложений происходила разработка технологий и технических продуктов. Завершающей точкой было нахождение рынков сбыта для соответствующей продукции. Такую модель специалисты иногда именуют «внедренческой». Иная схема реализовалась в идее технонауки, т.е. в своеобразном гибриде онаученной технологии и технологизированной науки. Её нередко стали оценивать как главенствующую в системе «наука-общество»» [1, с. 53].

В контексте выбранной темы предлагаем обсудить вопрос о соотношении знания и незнания.

Современные исследователи подчеркивают и вводят понятие «общество знания», «общество незнания» [2, с. 239-241]. Характеризуя понятия «знание», «незнание» (по аналогии с Сократом), «ученое знание» (Н. Кузанского), «знание о незнании» (термин Д. Дубровского), «незнание о незнании» (термин Д. Дубровского), М. Мельничук выводит отличия и делает попытку демаркации понятий «знания о незнании» и «незнание о незнании»: «Во-первых, знание о незнании, т.к. проблема мыслится в теперешнем или прошедшем времени, а поэтому допускается, что это уже что-то завершенное (на украинском «довершено» у автора), то, что случилось. Во-вторых, такое незнание тесно связано с сознанием и становится объектом внимания с боку теоретического разума. «Незнание о незнании» напротив нацелено на будущее и находится вне фокуса сознания. Оно скорее есть потенцией знания, абсолютно непредсказуемое, спонтанное, невероятное и т.п. Такое знание, на взгляд автора, владеет большим (ударение на первый слог) эвристичным потенциалом» [2, с. 240]. В аспекте понимания термина «общества незнания» М. Мельничук настаивает на том, что эпистемология, находясь под влиянием синергетики, придает смысл «нереализованной возможности» этому понятию, а не интерпретирует его как преграду, и имеет в виду то, что в «силу своей случайности может привести к неожиданным результатам» [2, с. 240]. Исследователь подчеркивает несколько моментов, первый – это то, что переход знания к незнанию является нелинейным, стихийным, непредвиденным. Второй момент – это то, что импликация «знание-незнание» постоянно переходит из знания к незнанию и далее в новое знание. Из-за этого постчеловек, т.е. человек современности, будет создавать не «общество знания», а «общество незнания», которое, по мнению М. Мельничука, «символизирует осознание безграничного потенциала человека и его интеллектуального роста» [2, с. 241]. Здесь человек с бифуркационным сознанием имеет большие возможности реализации положительных аттракторов, а, соответственно, улучшения своего материального положения и роста духовной составляющей бытия. Если учесть, что знание включено в определенные деятельностные схемы, то ему будет присуща такая характеристика как «ресурсность» [1, с. 53]. Поэтому у человека, производящего знания, появится два аспекта мотивации: первая – это «удовлетворение познавательного интереса, стремление что-либо понять, постичь суть вещей. При этом может вовсе не подразумеваться какое-либо прикладное предназначение исследовательского результата. В другом случае – знание изначально производится в расчете на его дальнейшее использование для практических нужд. И это именно то, с чем мы сталкиваемся в рамках исследовательской работы в области технонауки» [1, с. 53].

Бифуркация современной системы знаний ставит задачу: определить, какой путь дальнейшего развития знания выберет человек. А будет ли достаточным определяющим понятием сделать «незнание о незнании» и пойти по пути раскрытия его эвристического

потенциала? Мы считаем, что здесь человечество может попасть в ловушку иллюзорного, мнимого знания, оказаться в виртуальной реальности, где есть только иллюзия того, что мы знаем, а на самом деле все будет с точностью наоборот. Ж. Бодрийяр писал, что «эпоха постмодерна – это время тотальной симуляции. В постмодернистской ситуации, где реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается и все становится симулякром... Принцип неопределенности распространяется на политику, экономику и сексуальность, что предполагает их индетерминацию, утрату знаками своих референтов...» [3]. И что самое страшное в констатации Ж. Бодрийяра, на наш взгляд, это то, что «сущность идеального преступления, совершаемого в отношении мира, времени, телесности, в том, что оно есть ликвидация вещей путем их объективной верификации, путем их распознавания» [4, с. 28].

Используя системно-параметрическую терминологию, заключим, что сегодня наблюдается тенденция того, что человечество стало отходить от концептуального знания, отдавая предпочтение множеству субстратных фактов, которые в эмпиризме играли главенствующую роль по отношению к теории, и, как известно из истории науки, такие подходы проиграли в возможностях роста научного потенциала. Для современного человека накопление фактов является не приобретением знания, а погружением в «незнание о незнании». Человеку только кажется, что он владеет информацией, а на самом деле он оказывается в системе иллюзорного знания, «незнание о незнании» не способствуют реализации его потенциала. «Общество незнания», в представлениях М. Мельничука, по нашему мнению, может таить в себе отрицательный аттрактор развития, и совсем не владеть, как отмечалось выше автором, большим эвристическим потенциалом. Человек же, создавая вокруг себя виртуальную реальность, системы симулякром, строит иллюзию своей «учености», понижая ресурсность знания.

Список литературы:

1. Ведмедев М.М. Научный потенциал и ресурсный статус знания // Ведмедев М.М. The international scientific and practical congress “Scientific resources management of countries and regions”. The international scientific association “Science & Genesis”. 18 липня 2014. м. Копенгаген, Данія. 2014. – С. 53.
2. Мельничук М. Суспільство «незнання»: футурологічні горизонти епістемології / М. Мельничук. Тези Міжнародної конференції «28-мі Читання, присвячені пам'яті засновника Львівсько-Варшавської філософської школи Казимира Твардовського», 11-12 лютого 2016. – Львів. 2016. – С. 239–241.
3. Гонгало Е. Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийяра // Е. Гонгало Интернет ресурс [www/belintellectuals.eu](http://www.belintellectuals.eu).
4. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту // Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Н. Сулова. Россия. Екатеринбург, 2006. С. 28.

Райхерт К. В.

**ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПО И. В. БЛАУБЕРГУ, В. Н. САДОВСКОМУ И Э. Г. ЮДИНУ)
И ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СИСТЕМ (А. И. УЁМОВА)**

1. В 1969 году советские философы Игорь Викторович Блауберг, Вадим Николаевич Садовский и Эрик Григорьевич Юдин в первом выпуске ежегодника «Системные исследования» опубликовали статью под названием «Системные исследования и общая теория систем». В этой статье её авторы, помимо того, что кратко изложили историю системных исследований, начиная с конца XIX века, выделили четыре основные сферы современных системных исследований:

I. «Разработка философских проблем системного подхода, формирование общих (мировоззренческих) принципов системного анализа.

II. Построение логики и методологии системного исследования.

III. Проведение специально-научных системных разработок – построение частных системных концепций и теорий применительно к тем или иным проблемам специальных наук и разделов техники.

IV. Создание общей теории систем в собственном смысле» [1, с. 17].

2. Я предлагаю рассмотреть системные исследования, которые проводил Авенир Иванович Уёмов, в контексте указанных выше сфер системных исследований, вычлененных И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским и Э. Г. Юдиным. Это предполагает, что всё, что связано у А. И. Уёмова с изучением систем, необходимо рассматривать, как определённую целую область современных системных исследований, которую необходимо расчленить на четыре главные сферы.

3. На наш взгляд, нужно начинать с общей теории систем А. И. Уёмова – параметрической общей теории систем. Используя вариант общей теории систем А. И. Уёмова в качестве отправной точки, можно будет выделить общие принципы системного подхода А. И. Уёмова, его логику и приложение.

4. Параметрическая общая теория систем – это такой вариант общей теории систем, который изучает системы через призму так называемых «системных параметров», то есть специфических системных свойств и отношений. Она предполагает три этапа (три уровня) системных исследований: а) представление объекта исследования как системы в соответствии с одной из двух моделей систем, принятых в параметрической общей теории систем, – систем с реляционным концептом и атрибутивной структурой и систем с атрибутивным концептом и реляционной структурой; б) определение системных параметров – атрибутивных (специфических системных свойств) и реляционных (специфических системных отношений) – для данного системного представления объекта исследования; в) установление устойчивых корреляций между уже определёнными системными параметрами данного системного представления объекта исследования, то есть общесистемных закономерностей. Системное представление (системное описание) объекта исследования в параметрической общей теории систем основывается на четырёх принципах: а) универсальности; б) относительности; в) двойственности; г) дополнительности. Подробнее о параметрической общей теории систем смотри: [4].

5. Параметрическая общая теория систем основывается на учении о вещах, свойствах и отношениях, которое А. И. Уёмов предложил в 1963 году в книге «Вещи, свойства и отношения» [3]. В рамках этого учения «вещь», «свойство» и «отношение» рассматриваются как философские категории: категория вещи – это всё то, о чём можно что-то сказать; категория свойства – это то, что описывает вещь, и то, без чего не перестанет существовать, если её убрать у вещи; категория отношения – это то, что имеет направление, то, что конструирует вещь, и то, без чего вещь перестанет существовать, если её убрать у вещи. В зависимости от контекста объект исследования может высту-

пать и как вещь, и как свойство, и как отношение, – это принцип взаимопереходности вещей, свойств и отношений.

В параметрической общей теории систем системы рассматриваются как вещи, которые обладают специфическими системными свойствами (атрибутивными системными параметрами) и которые вступают в специфические системные отношения (реляционные системные параметры).

6. Кроме того, учение о вещах, свойствах и отношениях, предложенное А. И. Уёмовым, лежит в основании языка тернарного описания, символической логики, специально разработанной А. И. Уёмовым для формализации параметрической общей теории систем, так как отвлечение от значения понятий и смысла выражений параметрической общей теории систем, сделанных на естественном языке, должно обеспечить раскрытие логических особенностей, дедуктивных и выразительных возможностей параметрической общей теории систем. Подробнее о языке тернарного описания как методе формализации параметрической общей теории систем смотри: [5–7].

7. Наиболее интересным с моей точки зрения вопросом является вопрос о проведении специальных системно-параметрических разработок – построении частных системно-параметрических концепций и теорий применительно к тем или иным проблемам специальных наук и разделов техники на базе параметрической общей теории систем. Я допускаю, что здесь возможны два направления проведения специальных системно-параметрических.

8. Первое направление предполагает «деривацию» параметрической общей теории систем, то есть создание дериватов параметрической общей теории систем – системно-параметрической методологии, которая будет изучать, совершенствовать и конструировать системно-параметрический метод, и собственно системно-параметрический метод. В своей работе «О соотношении понятий “параметрическая общая теория систем”, “системно-параметрическая методология” и “системно-параметрический метод”» [2] я попытался показать, каким может быть системно-параметрический метод: он может быть таким, который не использует язык тернарного описания как метод формализации, стирает различие между двумя моделями систем – с атрибутивным концептом и реляционной структурой и с реляционным концептом и атрибутивной структурой и различие между атрибутивными и реляционными системными параметрами, то есть отказывается от философских категорий вещи, свойства и отношения, а также отказывается от принципов двойственности и дополнительности системного описания. Создание системно-параметрического метода как деривата параметрической общей теории систем предполагает квалификацию системно-параметрического метода как разновидности системного метода вообще и тем самым как общенаучного метода. Другими словами: допускается, что любая научная или философская дисциплина может использовать системно-параметрический метод в качестве своего метода исследования.

9. Второе направление предполагает, во-первых, рассмотрение параметрической общей теории систем как фундаментальной теории, центральным объектом исследования, описания, объяснения и прогнозирования которой являются системы, во-вторых, заимствование конкретными научными или философскими дисциплинами параметрической общей теории систем и её адаптации как частной теории систем в рамках этих дисциплин. Например, политология вполне может адаптировать параметрическую общую теорию систем для описания, объяснения и прогнозирования политических систем, то есть трансформировать параметрическую общую теорию систем в параметрическую теорию политических систем. Или же философия логики может адаптировать параметрическую общую теорию систем для описания, объяснения и прогнозирования логических систем, то есть трансформировать параметрическую общую теорию систем в параметрическую теорию логических систем. Такого рода трансформации – параметрической общей теории систем в параметрические частные теории систем – позволят использовать в рамках конкретных научных или философских дисциплин существующие в

параметрической общей теории систем наработки: описание объектов исследования как систем с атрибутивным концептом и реляционной структурой или как систем с реляционным концептом и атрибутивной структурой, выявлять специфические системные свойства и отношения таких систем и устанавливать общесистемные закономерности. Более того, такого рода трансформации позволяют заимствовать язык тернарного описания как метод формализации параметрической общей теории систем, делая его методом формализации параметрической частной теории систем.

10. Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что область современных системно-параметрических исследований можно расчленить на четыре основные сферы:

I. Учение о вещах, свойствах и отношениях, предложенное А. И. Уёмовым, как основа для параметрической общей теории систем и её метода формализации – языка тернарного описания.

II. Язык тернарного описания как метод формализации параметрической общей теории систем.

III. Собственно параметрическая общая теория систем как вариант общей теории систем.

IV. Разработка системно-параметрического метода как деривата параметрической общей теории систем и разновидности системного метода как общенаучного метода и трансформации параметрической общей теории систем в параметрические частные теории систем в рамках конкретных научных или философских дисциплин как их собственных теорий.

Список литературы:

1. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем / Игорь Викторович Блауберг, Вадим Николаевич Садовский, Эрик Григорьевич Юдин // Системные исследования. Ежегодник 1969. – М.: Наука, 1969. – С. 7–29.
2. Райхерт К. В. О соотношении понятий «параметрическая общая теория систем», «системно-параметрическая методология» и «системно-параметрический метод» / Константин Вильгельмович Райхерт // Научные труды SWorld: Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании '2014. – 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 12–21.
3. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношений: [репринт] / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: Печатный дом, 2015. – 184 с.
4. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / Авенир Иванович Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
5. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: part 1 / Avenir I. Uyemov // International Journal of General Systems. – 1999. – # 4–5. – Pp. 351–366.
6. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: part 2 / Avenir I. Uyemov // International Journal of General Systems. – 2002. – # 2. – Pp. 131–151.
7. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: part 3 / Avenir I. Uyemov // International Journal of General Systems. – 2003. – # 6. – Pp. 583–623.

Савусин Н. П.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ «ВЕЩЬ», «СВОЙСТВО» И «ОТНОШЕНИЕ» В ТЕРМИНАХ ЯТО

1. В области философских оснований *ЯТО*, как формально-логического аппарата Параметрического Варианта *ОТС (ОТС ПВ)* [1–2], категории «вещь», «свойство» и «отношение» (*B, C, O*) рассматриваются следующим образом.

Эти категории соотносительны, взаимопереходны, взаимно вырождаются. Они определяются друг через друга, различаются не абсолютно, но относительно (ситуативно, контекстуально, своими функциями и т. п.) [3–8].

2. В различных работах А.И. Уёмова и его соавторов давались определения, подобные следующим. Вещь – это то, что имеет свойства и участвует в отношениях; свойство – это то, что вещь проявляет, участвуя в отношениях; отношение – это то, в чём проявляется свойство вещи [3–8]. Порочного круга в таких определениях нет, поскольку они – для предельно общих понятий.

3. При моделировании этих *категорий* в *ЯТО*, их содержание образуется теми аксиоматическими отношениями, связями, в которых они участвуют. Однако, на протяжении развития *ЯТО*, связи между *ВСО* моделировались и формулировались по-разному. Для развития *ОТС ПВ* особо важно формализовать переход отношения в свойство и переход свойства в отношение. Например, это бывает важным, когда система подана в её *прямой дефиниции* (по схеме **P-R-m**), и надо перейти к соответствующему представлению системы или выделяемого в ней элемента – уже по *двойственной дефиниции* (по двойственной схеме **R-P-m**) [4, с. 120–121].

4. Касательно выявления связей между *B, C, O*, крайне существенно будет учесть коренные различия в поведении *B, C, O* при их синтезе друг с другом.

4.1. Присоединяя к вещи её внутреннее свойство, мы её не меняем, а, приобретая *внешнее* для себя свойство, вещь конкретизируется.

4.2. Вещь, приобретая отношение **R**, которое является её *внутренним* отношением, не меняется, но, обретя *внешнее* для себя отношение, вещь изменяется.

4.3. Вещь, обретая отношение **R**, которое ей не свойственно (то есть, - отношение, в его собственном смысле), эта вещь изменяется, причём, вообще говоря, - *слабо* либо *сильно* (например, как в *сильных системах* [4, с. 171–172], где структура и есть *сильным отношением*). Вещь, обретая такое отношение, вообще говоря, модифицируется (переходит в некий *модификат* себя, образованный этим отношением). И, лишь в частном случае – просто конкретизируется, то есть, переходит в некое своё *собственное* состояние, в свой *инкарнат*. А в этом её *собственном* состоянии (в её *инкарнате*) – ещё остаётся существовать образующее его отношение.

4.3.1. Например, пара "Иван да Марья", связавшись *брачным отношением*, всё же продолжают являться парой по имени "Иван да Марья". Просто, эта пара перешла в своё новое состояние, которое отражено в понятии, «супружеская пара "Иван да Марья"». Последнее понятие является невырожденным частным случаем исходного понятия «пара "Иван да Марья"». При этом, *отношение супружества* (до развода) *остаётся внутри новой (супружеской) пары как в надобъекте исходной пары* (в согласии с [4, с. 88–89]). *Супружество этой пары* становится *свойственным* новообразованной паре. Свойство для пары выступило как отношение между вещами этой пары. Здесь супружеская пара может считаться *надобъектом* исходной пары, поскольку эта пара не выродилась, не исчезла, но лишь конкретизировалась. Если отношение уже *инъектировано* в вещь (т. е. оно есть в каждом её подобъекте), Тогда вещь характеризуется им. Например, *замкнутой сфере* уже свойственна *замкнутость* как *инъектированное* отношение.

4.3.2. Однако, вещь **m**, будучи подвергнута отношению **R**, модифицированная этим отношением **R**, может превратиться в такую новую вещь **m'**, которая уже не является *собственным* состоянием прежней вещи **m**, подвергаемой отношению **R**. Новая вещь **m'**

может оказаться *вырожденным состоянием* прежней вещи **m**. Может случиться даже так, что, имея модификат **m'** вещи **m**, мы, при этом уже не имеем исходной вещи **m**. Вещь **m**, на которой реализовано отношение **R**, (то есть, вещь **m'**, образованная отношением **R** на исходном объекте **m**, может уже *не имплитировать* ту вещь **m**, на которой данное отношение реализовалось. Об *импликации* – см. [1–3]. Условно говоря, может не быть *импликации* $\{[R(m)] \rightarrow m\}$. Тогда, имея в определённом смысле *продукт деятельности*, мы уже не имеем, в том же смысле, прежнего *ресурса* (объекта приложения деятельности, или *средства* получения *продукта*). *Время течёт* – пример *сильного* отношения.

5. С другой стороны, отношение **R**, реализовавшись на вещи **m**, может уже *исчезнуть*: его *может не быть в результате* $[R(*m)]$ *такого реляционного синтеза*. То есть, уже может не быть и *импликации* $\{[R(*m)] \rightarrow R\}$. Здесь $[R(*m)]$ – это *реализованное отношение*.

6. Приведём ещё примеры.

6.1. Проектирование целевых комплексных программ смоделировано А.И. Уёмовым по схеме **P-R-m**: это путь «*цель-мероприятия-ресурсы*». Мероприятия – это, в целом, *деятельность*, состоящая из ряда *действий, операций, влияний, поведений, процессов*, и т.п. Мероприятия можно считать составным целенаправленным *действием*. В виде него выступает *сильное отношение* (обычно, - составное) [9]. Здесь отношение преобразует ресурсы в *заранее определённый (целевой) продукт*. И он может радикально отличаться от ресурса. С появлением *продукта, ресурсы* уже амортизированы, израсходованы: обычно, их уже нет, например, топливо уже сгорело.

6.2. Но и *мероприятия как отношения тоже уже завершены*, их уже нет в той ситуации $[R(*m)]$, которая воцарилась с получением целевого продукта **m'**, в том (целевом, *результатирующем*) отношении, где участвует этот продукт.

7. Рассмотрим пример такого *сильного* отношения, как *химическая реакция*, (скажем, - как действие, когда *щёлочь реагирует с кислотой*). Здесь возможна следующая модель ситуации. *Щёлочь, на которой реализовано это отношение, уже не является щёлочью, а является солью (или солью с водой)*. Именно это – *вещественный продукт* реакции. *Щёлочь*, на которой реализовалось исходное отношение *реакции (с кислотой)*, – это уже новый объект **m'**, *не имплитирующий* прежнюю вещь (*щёлочь*). Имея продукт реакции, мы уже *не имеем* прежнего реагента (он израсходован). Здесь продукт уже не является *надобъектом* исходных реагентов: их в нём нет.

8. С другой стороны, само же отношение реагирования **R**, или реакции, *реализовавшись* на **m**, превращается в новое отношение $[R(*m)]$, которое отнюдь не является конкретизацией прежнего, исходного **R**. А именно, это *отношение реакции превращается в совсем новое соотношение «соль – вода»*, то есть, в *итоговое соотношение*, или в *итоговую ситуацию*, где участвует *соль* как появившийся продукт (или - *соль и вода* участвуют как появившиеся *сопродукты*). Это – *реляционный* результат реакции (можно сказать, - её эффект). В данном примере, *устанавливаемое, реализуемое, синтезируемое* отношение **R** уже не обнаруживается *имплицитивно* даже и в реляционном результате такого синтеза. То есть, имея в известном смысле *итоговую ситуацию* завершившейся реакции, мы уже не имеем в том же смысле самой *реакции*, самого *действия реагирования*.

9. Однако, в любом случае, *вещественный* результат $[R(m)]$ – это нечто, характеризующееся *реляционным* результатом $[R(*m)]$... В нашем примере, *соль* (или *соль и вода*) действительно характеризуются этим отношением, уже реализованным на щёлочи в виде $[R(*m)]$. В ЯТО получаем *атрибутивную импликацию*:

$$\{[t_{\xi} a(t_{\mu} M)] \supset \rightarrow [r_{\xi} R(*r_{\mu} M)]\} \quad (1), \text{ где}$$

$$\{A \supset \rightarrow B\} =_{\text{def}} \{f A J[(a)B]\}, \quad (2)$$

и формула $\{f A J E\}$ означает, что вещь, обозначенная **A**, тождественна объекту, обозначенному **E**. Из (1) видно, что в качестве свойства вещи, имеющей данное отношение, выступает это её отношение, то есть это отношение, реализованное на ней.

На этих примерах видно также следующее. Любая вещь, на которой реализовано исходное отношение, характеризуется этим отношением, установленным на ней. Причём, характеризуется действительно, то есть, - как своим *атрибутом* (внутренним свойством).

Объекту, имеющему данное отношение, свойственно не просто оно. Свойственно - оно, в его реализованном виде. Скажем, Кавказ характеризуется отношением «Эльбрус больше Шхельды», но ему не свойственно просто *больше* (нельзя просто сказать «Кавказ больше»)... Далее, можно дополнительно указывать тот *способ реализации отношения*, который имеется в анализируемом примере, и т. п.

10. О том, как действие, и даже деятельность (как целенаправленное действие), *исчезают* в результате или продукте своей реализации, об этом подробно писал, например, К.Маркс. Имея продукт труда, мы уже не имеем того труда, который его создал. Это подобно тому, что *труд умирает в продукте*, по К. Марксу: «*процесс угасает в продукте...*» (в *продукте труда* – Н. Савусин) [10]. Действие подобно и силе (в плане реализации их как отношений): «Сила проявляется единственно что только в действии и по завершении действия в теле не остаётся». Так писал И. Ньютон [11, с. 34]. Причина как бы исчерпывается, истрачивается (по А. Поликарпову) – *ibid*.

11. Поведение, как в его *бихевиористских* моделях, можно считать *отношением* типа «вход – выход». Но, с другой стороны, поведение также допустимо представлять в виде *сильного отношения*. При этом, продукт его реализации может считаться *неопределённым* (как в случае с камнепадом, сорвавшимся с горы) [9]. Вообще, любое *поведение*, как и *действие*, можно считать направленным в одном плане и ненаправленным в другом.

Светает – это *сильное* отношение с неопределённым коррелятом. Его можно интерпретировать как поведение. То, что *светает*, характеризуется тем, что *оно светает*. *Больной выздоровевший* – это тот, кто характеризуется своим *выздоровлением*. *Увядшему листу* свойственно то, что *он увял*. *Сократ*, подвергнутый *смерти*, – это объект, которому свойственна *его умерщвлённость*, это *мёртвый Сократ*.

11. Связь (1) существует и в более простом реляционном синтезе, при котором отношение *не является сильным*. Так, пара "Иван да Марья", связавшись брачным отношением, – это уже «супружеская пара "Иван да Марья"». Но ей действительно свойственно брачное отношение, установленное на ней. Здесь можно дополнительно указать и тот *способ предикации* реализуемого отношения: оно реализуется между подобъектами пары в виде соотношения «Иван да Марья – супруги» и т.п.

12. Отношение $\mathbf{r}_p R$ («мужчина – супруг какой-то женщины»), будучи установлено на объекте $\mathbf{t}_\mu a$ (у нас это – объект по имени «Иван»), можно представить как результирующее (итоговое) отношение $[\mathbf{t}_p R (*\mathbf{t}_\mu a)]$ («Иван – супруг какой-то женщины»). Это *результирующее отношение есть нечто, образованное устанавливаемым отношением*:

$$\{ \mathbf{f}[\mathbf{t}_p R (*\mathbf{t}_\mu a)] \quad \mathbf{J}[\mathbf{r}_p R (a)] \} . \quad (3)$$

Действительно, в итоге *реляционного анализа* мы обнаружим, что в результирующей ситуации («Иван – супруг какой-то женщины») можно выделить отношение $\mathbf{r}_p R$ («мужчина – супруг какой-то женщины»).

13. Отношение, будучи установлено на вещи, *образуется* устанавливаемым отношением также и в случае *сильных отношений* (например, - *действий, операций, деятельностей* и т. д.). То есть, и *действие* как отношение, будучи реализовано на вещи, также становится *чем-то, образованным этим действием* как отношением, согласно (3).

13. В примере с химической реакцией, результирующее соотношение «*соль – вода*» тоже можно мыслить как *образованное* установлением отношения *реагирования* (или *реакции*) $\mathbf{r}_p R$ на каком-то объекте (например, на каком-то отношении «*кислота – щёлочь*»). Ведь какое-то («стартовое») отношение между нашими реагентами непременно имелось до навязывания им отношения реагирования! Скажем, «стартовое» отношение могло быть таким: «*щёлочь и кислота как-то сосуществуют*». Что возникает в резуль-

тате *установления отношения* реакции $\mathfrak{r}_\rho R$ на «стартовом» соотношении «кислота – щёлочь» (по его коррелятам)? Это исходное соотношение исчезает, точнее, заменяется новосозданным отношением «*соль – вода*».

14. Аксиомы (1) и (3) можно объединить в аксиому (4):

$$\{ \mathfrak{I}_\omega a (\mathfrak{I}_\mu M) \} \supset \rightarrow \{ \mathfrak{I}_\omega R (*\mathfrak{I}_\mu M) \}, \quad (4a)$$

$$\{ \mathfrak{I}[\mathfrak{I}_\omega R (*\mathfrak{I}_\mu M)] \} \mathfrak{J} \{ \mathfrak{I}_\omega R (a) \} \quad (4б)$$

15. Пользуясь (4) и транзитивностью тождества, можно представить исходный объект

$\mathfrak{I}_\omega a (\mathfrak{I}_\mu M)$ как *двойственную систему*, поскольку в нём, по (4), есть свойство, в котором есть конкретное отношение $\mathfrak{I}_\omega R$.

16. Пользуясь (4), можно, например, в *прямо заданной системе* выделять её элемент как *двойственную систему*. Скажем, пусть в семье (как в паре «Иван да Марья») есть некоторое отношение *типа супружества*. То есть, пусть эта семья задана как *прямая система*. Тогда в *реализованной структуре* $[R (*m)]$ этой (*прямой*) системы фиксируем конкретное отношение («мужчина – супруг Марьи») как *реляционный концепт* $\mathfrak{I}_\rho R$ искомого элемента этой семьи. Это отношение $\mathfrak{I}_\rho R$ (назовём его *ролью, или местом, внутри* $[R (*m)]$) есть, например, внутри характеристики $\mathfrak{I}_\pi P$ по имени «Иван – супруг Марьи».

Но характеристика $\mathfrak{I}_\pi P$ служит свойством для Ивана. Поэтому, именно такой Иван, который характеризуется этим свойством $\mathfrak{I}_\pi P$ (то есть, тем, что Иван – супруг Марьи), такой Иван задан как *двойственная система*. В ней $\mathfrak{I}_\pi P$ есть *атрибут* [12] (или *атрибутивная структура* [4]). А в этом атрибуте есть конкретное отношение $\mathfrak{I}_\rho R$. Именно такой Иван является *элементом* данной *супружеской пары*.

С другой стороны, такой Иван – это Иван ($\mathfrak{I}_\mu a$), *участвующий* (как *мужчина*) в *ролевом* отношении $\mathfrak{I}_\rho R$ по имени «*мужчина – супруг Марьи*». То есть, – это Иван, имеющий данное (*ролевое*) отношение $\mathfrak{I}_\rho R$. Значит, по (1), такой Иван – это объект, характеризующийся данным отношением $\mathfrak{I}_\rho R$, установленным на Иване ($\mathfrak{I}_\mu a$). В данном случае, *ролевое* отношение $\mathfrak{I}_\rho R$ установлено на Иване в виде соотношения $[\mathfrak{I}_\rho R (*\mathfrak{I}_\mu a)]$ по имени «Иван – супруг Марьи». Но, далее, последнее соотношение, согласно (3), *образовано отношением $\mathfrak{I}_\rho R$, ролевым для Ивана в супружеской паре*. Таким образом, такой Иван, то есть, Иван, *исполняющий* (или *исполнивший*) *роль $\mathfrak{I}_\rho R$* , тоже подан как *двойственная система* с конкретным *реляционным концептом* $\mathfrak{I}_\rho R$.

17. Отношение коренным образом отличается от свойства. Отношение для вещи может быть действием над ней, но свойство (для неё) - не может! Отношение для объекта может быть операцией (деятельностью, и т. п.) над ним, но свойство (для него) - не может!

18. Любое свойство $\mathfrak{I}_\pi P$ объекта $\mathfrak{I}_\mu N$ (то есть, свойство $\mathfrak{I}_\pi P$, приданное объекту $\mathfrak{I}_\nu N$) можно представить как некое отношение этого-объекта, установленное к какой-то (вообще говоря, другой) вещи [4, с. 88]:

$$\{ \mathfrak{I}[(\mathfrak{I}_\nu N *) \mathfrak{I}_\pi P] \} \mathfrak{J} \{ [a (*\mathfrak{I}_\nu N)] (*a) \} . \quad (5)$$

Например, *прозрачность* стекла – это некое отношение стекла к световому лучу, падающему на стекло (в данном случае, стекло, в той или иной мере, *пропускает сквозь себя луч*):

$$\{ \mathfrak{I}[(\mathfrak{I}_\nu N *) \mathfrak{I}_\pi P] \} \mathfrak{J} \{ \mathfrak{I}_\phi [a (*\mathfrak{I}_\nu N)] (*\mathfrak{I}_\chi a) \} . \quad (6)$$

То есть, в (6) стоит отношение $\mathfrak{I}_\phi [a (*\mathfrak{I}_\nu N)]$ *пропускания* стеклом ($\mathfrak{I}_\nu N$) света ($\mathfrak{I}_\chi a$).

19. Данное в (5), отношение одной вещи к другой, если оно *не сильное*, то существует в *реистическом* синтезе этих двух вещей. А, значит, и – в их *надобъекте* (в согласии с [4, с. 88 - 89]), которому оно и свойственно.

20. Но соотношение $\mathfrak{I}_\phi [a (*\mathfrak{I}_\nu N)] (*\mathfrak{I}_\chi a)$ *пропускания стеклом света*

можно *свернуть* по коррелятам и представить как некоторое отношение *стекла*. В данном случае, - как отношение *пропускания света стеклом*. При этом отношение ко

второму корреляту (свету) переходит в интенционал исходного (свёртываемого) соотношения [13]:

$$\{ \mathbf{f}[\mathbf{r}_\varphi [A (*\mathbf{r}_\nu N)] (*\mathbf{r}_\chi a)] \mathbf{J} [\mathbf{r}_\psi a (*\mathbf{r}_\nu N)] \}. \quad (7)$$

Согласно (4б), любое конкретное отношение на вещи образовано этим же отношением, и *редуцированное* – тоже: $\{ \mathbf{f}[\mathbf{r}_\psi A (*\mathbf{r}_\nu N)] \mathbf{J} [\mathbf{r}_\psi a (a)] \}$.

А, значит (в силу транзитивности тождества) свойство вещи – это нечто, образованное тем отношением, в виде которого это свойство предстаёт:

$$\{ \mathbf{f}[(\mathbf{r}_\nu N^*) \mathbf{r}_\pi P] \mathbf{J} [\mathbf{r}_\psi a (a)] \}. \quad (8)$$

В нашем примере, *прозрачность* стекла – это свойство, образованное *пропусканием света*. То есть, – это свойство, проявляющееся в упомянутом отношении *пропускания света*.

21. Среди философских предпосылок ЯТО есть *принцип двойственности категорий «свойство» и «отношение»*. Там, где этот принцип действует (в истинных утверждениях с их участием), их можно менять местами *с сохранением истинности утверждений*. Например, для *не сильных* (или *слабых*) отношений имеем утверждение: «отношение свойственно». Из него так получим: «свойство относительно». О подобных замечаниях – см. выше, в пунктах 4.3.1. и 19.

Список литературы:

1. Avenir I. Uyemov. The Language of Ternary Description as a deviant logic. Boletim da sociedade Paranaense de Matematica: Editora UFPR. 1-2 as, V.15 n 1/2, 1995; II – (2s). V.17, 1/2 (1997); III – V.18, N 1-2, 1998.
2. Avenir Uyemov. The Ternary Description Language as a formalism for the Parametric General System Theory; Part 1. – Int. J. General Systems. – 1999 OPA, N.Y., Vol. 28 (4-5). Part II. – 2002, Vol. 31 (2), pp.131–151.
3. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – С. 79–89.
4. Ujomov A.I. Dinge, Eigenschaften und Relationen. – Berlin: Akademie – Verlag, 1965. – 185 S.
5. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Студия «Негоциант», 2000. – С. 23–36.
6. Уёмов А.И. Метафизика. Учебное пособие. – Одесса: «Астропринт», 2010. – С. 102–103.
7. Уёмов А.И., Терентьева Л.Н. Лекции и задачи по метафизике: в 2. ч. – Одесса: Астропринт, 2009. – С. 103–109.
8. Уёмов А.И. Основные типы научного знания. // Уёмов А.И. и др. Философия науки: системный аспект. – Одесса: «Астропринт», 2010. – С. 150–157.
9. Савусін М. П. Системное исследование процедур формирования целевых комплексных программ. // Целевые комплексные программы хозяйственного освоения ресурсов Мирового океана. / А.И. Уёмов. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 107–117.
10. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В трех томах. – Кн. 1. Отд. 3. Гл. 5. 1. Процесс труда.
11. Уёмов А.И. О временном соотношении между причиной и действием: Борьба против индетерминизма в квантовой механике и временное соотношение причины и действия // Учёные записки Ивановского гос.пед. ин.-та, 1960 г. – Т. XXV, вып. 1. – Иваново, 1960. – С.92.
12. Савусін Н.П. Формализация определения системы средствами новой версии ЯТО // Проблемы системных исследований. Межвузовский сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд.-во НГУ, 1985. – С. 89–96.
13. Уёмов А.И. Проблема эквивалентности логических структур // Формальная логика и методология науки. – М.: Наука, 1964. – С. 52–64.

Терентьева Л. Н.

ПРИНЦИП ДВОЙСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ И НАУЧНОМ МЫШЛЕНИИ

Принцип двойственности в философском и научном мышлении можно обозначить в связи с категорией Аристотеля «соотнесённое» [1, ба 35], [1, бб 10].

Все свойства «соотнесённого» определяют смысл принципа двойственности, и принципа дополнительности в квантовой механике, открытого Н. Бором.

Категория Стагирита «соотнесённое» для пары объектов имеет предшественника в категориях противоположностей, отмеченных Пифагором. У Диогена Лаэртского находим: «Александр в «Преемствах философов» говорит, что в пифагорейских записках содержится также вот что. Начало всего – единица; единице как причине подлелжит как вещьство *неопределенная двоица* (курсив наш. – Л.Т.); из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них плоские фигуры; из плоских – объёмные фигуры; из них – чувственно воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь, вода, земля и воздух» [3, с. 338].

В становлении принципа двойственности идея Пифагора о «неопределённых двоицах» в строении бытия, возможно, была воспринята Аристотелем в «Категориях» [1].

Аристотель в «Категориях», которых ровно десять, исследует смыслы каждой из них так: «Из сказанного без какой либо связи означает или «сущность», или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать, или «действовать», или «претерпевать» [1, 1б25–29].

Среди этих категорий выделим ту, которая имеет смысл «*по отношению к чему-то*». Это категория «соотнесённое»: «Соотнесённым называется то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому; так, о большем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – большее, чем что-то; и о двойном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным. К соотнесённому принадлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем перечисленном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь, и знание о чем-нибудь, положение – положение чего-нибудь, и всё остальное точно так же.

Таким образом, соотнесённое – это, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как её называют по отношению к чему-то, и так же о сходном с чем-то, и точно иак же называется соотнесённым и другое в этом роде» [1, ба35], [1, бб1–10].

Аристотель тщательно выписывает качества соотнесённых объектов: «Далее, и возлежание, и стояние, и сидение суть некоторые положения, а положение принадлежит к соотнесённому» [1, бб15]. «У соотнесённого бывает и противоположность; так, например, добродетель противоположна пороку – то и другое принадлежит соотнесённому; и точно так же знание противоположно неведению. Однако не все соотнесённое имеет противоположное себе; двойному ничто не противоположно, равно как и тройному и вообще ничему подобному им [1, бб20].

Заметим, что «двойное» и «тройное» относится к числовым объектам, к которым нельзя отнести, например, ряд логических форм силлогистики Аристотеля, включая силлогизм или доказательство. К «соотнесённому» можно отнести «порок» и «добродетель», «знание» и «неведение». Они – противоположны друг относительно друга, но не в числовом отношении.

Далее: «Соотнесённое, видимо, допускает большую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несходном в большей или меньшей степени, так

же о равном и неравном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотнесенное: о сходном говорят как о сходном с чем то и о неравном – как о неравном чему-то. Однако не все соотнесенное допускает большую и меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде» [1, 6b20–25].

Это – интересное место, которое можно обозначить как различие между двумя видами свойств и отношений, которое проводит А. Уёмов: есть свойства и отношения *точечные* и *линейные*: первые не меняют своей интенсивности, например, параллельные прямые не могут быть более или менее параллельными, и числа не могут более или менее чётными. Линейные свойства, например, доброта, мудрость, отзывчивость меняют интенсивность своих свойств.

Аристотель приводит ещё одно свойство «соотнесенного» – *обоюдность*: «Все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны; так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба; и под двойным – двойное по отношению к половинному... Так, о знании говорят, что оно знание познаваемого, а о познаваемом говорят, что оно познается знанием» [1, 6b30–35].

Свойство *«обоюдности»* соотнесенного наиболее интересное, поскольку определить, что «подразумевается» в тексте или у его автора в голове – задача не из простых, включая и для самого автора.

Это интересно не только в ситуации философского или «научного» текста, но и текста политического в ситуации информационной войны.

Аристотель предупреждает: «Однако иногда такой обоюдности нет, если то, о чем говорится в связи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это, сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое – «крыло птицы» – указано не так, как следует. В самом деле, говорят о крыле птицы не поскольку она птица, а поскольку она крылатое [существо]: ведь крылья имеются и у многих других существ, не только у птиц... крыло есть крыло крылатого, а крылатое крылом» [1, 7a1–5].

Заметим, что *обоюдность* может отсутствовать у пары или, согласно Пифагору, «двоицы» и тогда, когда исследуемые объекты появляются не одновременно парой, а одной половиной. Спустя какое-то время, включая время в несколько столетий или более, появляется вторая половина «двоицы».

Целостность получена: Пифагорова «Неопределённая двоица» – это некоторая «целостность».

Если взять системно – параметрический метод А. Уёмова, то «целостность» приобретает имя: «система», где у систем А. Уёмов находит особые системные свойства или системные параметры, которые можно отнести к любой исследуемой системе, будь-то человек, компьютер или научный метод [4].

Аристотель подчеркивает важнейшую характеристику соотнесенного: «Итак, все соотнесенные между собой [стороны], если они указываются подходящим образом, *обоюдны*; однако если соотнесённое указывается наугад, а не по отношению к тому, с чем оно соотнесено, то обоюдности нет» [1, 7a24]. «Обоюдность» как свойство соотнесенных получается тогда, по Аристотелю, когда можно *«указать наоборот»*.

Признак соотнесенных *«указать наоборот»* является существенным для определения соотнесенной пары объектов, которые до того, считались независимыми по своим свойствам друг от друга. Например, два метода научного вывода: индукция и дедукция, где сторонники индуктивного метода (Ф. Бэкон, Д. С. Милль) всячески пытались изгнать дедукцию из научного вывода, как и дедуктивисты не считали индуктивный вывод достоверным [5].

На знаменитом логическом квадрате, где по истинности и ложности сопоставляются все категорические суждения *А, Е, I, O* можно показать, как истина «стекает» от общего суждения к частному *необходимо*, а ложь «стекает» *вероятно*, в индуктивном вы-

воде «указывается наоборот»: ложь «всплывает» от частного к общему *необходимо*, а истина только *вероятно*.

Следовательно, индуктивный и дедуктивный выводы оказываются «соотнесённой двойцей», где «указано наоборот» дважды: по направлению выводного процесса и по оценке истинности и ложности полученного результата.

Двойцей и соотнесенной парой оказывается «истина и ложь». Действительно, невозможно понять «истину», если нет «лжи».

Заметим, что в роли соотнесенных всегда выступают два объекта, которые Пифагор обозначает как «неопределенная двойца», которую здесь Аристотель делает «определенной» в категории «соотнесенное», где пара понятий получает свой определенный смысл во взаимном отношении друг другу. Или, по Аристотелю, «по отношению к чему-то».

Существуют такие понятия об объектах, которые определяют свой смысл одновременно и только во взаимном отношении друг к другу, например, пара категорий «раб – господин» или «двойное – половинное». Не будет «рабом» тот, у которого нет «господина» и наоборот. Аристотель в «Категориях» вводит особый способ отношения двух понятий такой, что, находясь в этом отношении, они выясняют свою сущность только по отношению друг к другу. Чтобы сбросить титул «раба», нужно избавиться от «господина» и наоборот.

В двойственном системном моделировании, развитом в параметрической ОТС А. Уёмовым, вводится новая «двойца»: «двойственное системное моделирование» какого-либо объекта [6].

Исследуемый объект рассматривается с двух системных моделей, которые проявляют свой смысл только во взаимном отношении друг к другу. Объект исследуется с двух сторон. Простой категорический силлогизм ещё его создатель Аристотель представил с одной стороны как связь его терминов («Первая аналитика», книга первая), с другой стороны – как связь суждений посылок и заключения.

Аристотель подчеркивает целостность и обоюдность двух системных моделей, где «указано наоборот» так: «Одно целиком содержится в другом» означает то же, что и «другое сказывается обо всем первом» [1, 24b26–28].

Заметим, что: «одно целиком содержится в другом» характерно для такого объекта как простой категорический силлогизм, понимаемый как *связь терминов*. Силлогизм, понимаемый как *связь суждений*, где предикат «сказывается о субъекте» дополняет и означает то же, что и «другое сказывается обо всем первом» [1, 24b 26–28]. Аристотель показывает связность двух системных моделей силлогизма: силлогизм как связь терминов и силлогизм как связь суждений посылок.

А. И. Уёмов в построении двойственного системного моделирования для двух системных моделей вводит правило «указано наоборот»: *атрибутивный концепт реализуется на реляционной структуре, а реляционный концепт реализуется на атрибутивной структуре*.

Отношение, удовлетворяющее атрибутивному концепту P_c , является *реляционной структурой* и обозначается символом R_s . Здесь индекс s – от латинского *structura*, что означает структура. Индекс c – от латинского «concept».

Отношение, удовлетворяющее реляционному концепту R_c , А. Уёмов называет *атрибутивной структурой* и обозначает символом P_s .

Определение системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой имеет вид: $(m)S = df ([R_s^*(m)])P_c$.

Определение системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой имеет вид: $(m)S = df R_c([(m^*)P_s])$ [4; 6].

А. Уёмов в двойственном системном моделировании при построении системы использует определители системной модели какого-либо объекта – системные дескрипторы. Дескрипторов три, т.е. есть три последовательных шага в построении системной мо-

дели. «Это – *концепт*, *структура* и *субстрат* системы. Исходным дескриптором является концепт (от слова «concept» – концепция), лежащий в основе определения».

Концепт системы может быть двух видов – атрибутивный и реляционный, который не всегда эксплицирован, он уточняется в процессе исследования и становится определенным.

Структура системы в двойственном системном моделировании тоже выступает в двух, соотнесенных между собой, разновидностях – реляционной и атрибутивной.

Субстрат системы, на котором реализуется либо реляционная, либо атрибутивная структура в двойственном системном моделировании, представляется по-разному. Например, субстратом системной модели силлогизма в двойственном системном моделировании могут быть: 1) его термины (реляционная структура), 2) и суждения посылок (атрибутивная структура) [5].

Более того, наблюдается интересный феномен в развитии как философского, так и научного мышления: реляционная структура создается раньше атрибутивной! Например, *реляционная* структура в понимании особенностей бытия квантовых объектов, к которой можно отнести соотношения неопределённостей В. Гейзенберга, была создана ранее, чем было осмыслено такое понимание в принципе дополненности Н. Бора, содержание которого можно отнести к *атрибутивной* структуре [2].

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. З.Н. Микеладзе. М.: «Мысль», 1978.
2. Терентьева Л. Н. Принцип дополненности в силлогистике Аристотеля как принцип соотнесённости // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т.23 (62), № 2. Философия. Культурология. Политология. Социология. Симферополь, 2009.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: «Мысль», 1979.
4. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
5. Терентьева Л. Н. Концепция Аристотеля «соотнесённое» в логических формах традиционной логики // Вісник Одеського Національного університету. Т.14, № 21. Одеса, 2009.
6. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания. Одесса. Негоциант, 2000.

Фалько В. И.

О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОДНОМОДУСНОГО ВРЕМЕНИ

Понятие одномодусного времени, введённое А.И. Уёмовым [1], может быть интерпретировано не только на примере философски осмысленного музыкального времени [2], но и на материале социального времени в человеческой истории и восприятии времени в сознании различных эпох и культур. Тем самым, логика времени, разрабатываемая на основе аксиоматики Уёмова, может быть применена в исторических и общественных науках. Рассмотрим кратко некоторые исторические и культурно-цивилизационные типы восприятия времени, преломляющиеся через его осмысление в философском и художественном сознании.

Самым ранним и самым универсальным примером исторического времени, переживаемого людьми как близкое к одномодусному, является, пожалуй, социальное время традиционного общества, которое длилось многие тысячи лет. Прошлое и будущее в традиционном мышлении и восприятии времени не отличаются друг от друга, история только становится и ещё не осознаётся в модусах прошлого как безвозвратно ушедшего, уже несуществующего, настоящего – живого, но моментально проходящего, и будущего – неведомого и ещё не длящегося в своём приближении.

Времена минувшие, нынешние и грядущие мыслятся в пространственных формах, уподобляемы реке, где вода течёт на всём своём протяжении. И этот образ реки времени сохраняется надолго в поэтических метафорах, а затем обретает и теоретическое осмысление в философии Гераклита, переживающего революционный выход эллинского мира из состояния традиционного общества в открытое. Гераклит, по крайней мере, в дошедших до нас фрагментах, не выделяет во времени настоящее как особую точку, уравнивая каждый момент времени с любым другим: «*Один день равен всякому*»; «*И одно и то же... туда-сюда ходящие по кругу и сменяющие друг друга в игре века*» [3, с. 226; 205]. Подчёркивая равенство всех моментов времени между собой, Гераклит Тёмный не так уж много мог сказать о структуре времени. И, вместе с тем, его «*всё течёт*» означает и «*всё изменяется*», в противовес утверждению элеатов о существовании как неизменности.

Перемены, происходящие во времени – от смены дня и ночи и времён года до чередования Космоса и Хаоса, в языческом мировоззрении мыслятся как вечный и неизменный циклический процесс. Восточный тип одномодусного видения времени, характерный для традиционного и традиционалистического общества, ярко выражен в эпосе «Махабхарата», где описываемые события происходят вне привязки к историческим периодам или датам: важно то, что и как происходит и трактуется, а не то, когда это было.

Образ и понятие времени в китайской философии является циклическим, заключающим в себе пять времён (сезонов) года и не выпрямленным в стрелу, которую мы видим, начиная с античности, в европейском теоретическом и обыденном сознании. В китайской философии события и длительности неотделимы от конкретного действия, образующегося с благоприятностью момента. Это соответствует первой аксиоме логики времени Уёмова, согласно которой, «определённый момент времени может быть рассмотрен как некоторое событие. Таким образом стирается грань между моментами времени и событиями» [1, с. 274]. Однако, по мнению французского философа-синолога Франсуа Жюльена, время само по себе, рамочное для действий, представителями различных школ китайской философии не отрефлектировано. Вместо времени самого по себе китайская мысль использует понятие «сезон» [4]. Это, казалось бы, противоречит точке зрения Уёмова: «...Мы имеем в виду время как таковое, т. е. одномодусное время» [1, с. 274]. Но, на мой взгляд, Ф. Жюльен под временем самом по себе понимает стрелу времени как один из образов времени.

Однако и геометрический образ времени в виде стрелы, разделённой на прошедшее

и будущее точкой настоящего, возникающий в древнегреческой мысли, заключает в себе одномодусность, но в негативном выражении. В трактовке скептиков, время не течёт ни в одной из трёх его составляющих: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а в настоящем как точке, не имеющей размеров, движение невозможно. Поэтому время как текущая непрерывность вообще не существует. Вместе с тем, практический характер римского мышления, руководствующегося принципом “*carpe diem*” – «лови день», живи сегодняшним днём – наделяет настоящий момент подлинным, хотя и ускользящим, бытием.

Скептическое отрицание времени, основанное на абстрактно-трёхмодусном понимании времени, теоретически и мировоззренчески преодолевается только в христианской философии Августина Блаженного, где настоящее переполняется бытием, истекающим из вечности, и время перетекает в следующий момент. В таком понимании времени, где время течёт именно и только в настоящем, его модусы приобретают смысл. Это конкретно понимаемое трёхмодусное время, моменты и отрезки которого фундированы из вечности метамоментами, сохраняется не только в теоретическом и обыденном сознании христианских народов, но и в других теистических культурах, оказываясь характерным и для нерелигиозного новоевропейского и современного мышления. Именно философия времени Августина лежит в основе логик времени А. Прайора и Г.Х. фон Вригта, других временных логиках, а также в негеометрической компьютерной модели времени А.М. Анисова.

С развитием экзистенциального мировоззрения в европейской цивилизации вновь намечается тенденция к одномодусному переживанию и осмыслению времени. Наиболее ярко это выражается в философии М. Хайдеггера, стремящейся преодолеть тысячелетнюю традицию метафизики, признающей вневременное бытие. В экзистенциальном восприятии времени бытие, в том числе переживание надвигающегося будущего, может быть только временным. А в философии абсурдизма А. Камю, отражающей характерные черты темпорального сознания XX века, в обращении к мифу о Сизифе наблюдается даже возврат к дурной бесконечности повторения одного и того же.

Тем не менее, западное восприятие и понимание времени в XX веке во многом сохраняет черты рационального трёхмодусного видения, воспринятого от эпохи Просвещения и усиленного аналитической традицией в научном и философском мышлении. Двойственность времявосприятия, сочетающего одно- и трёхмодусность, особенно ярко проявляется в прагматическом презентизме, наиболее характерном для американского типа сознания. С одной стороны, прагматизм, как и абсурдизм, не стремится к последовательному поведению, привязанному к прошлому или будущему, и живёт настоящим моментом. С другой стороны, любой момент времени, в который переносится мысль прагматика, рассматривается им как настоящий.

Рассмотренные примеры видения времени западным типом массового сознания в разные эпохи и в теоретическом осмыслении с тех или иных культурно-цивилизационных и философских позиций показывают взаимную дополнительную и неотделимость одно- и трёхмодусной темпорологических моделей. В них можно увидеть преобладание акцента на различении прошлого, настоящего и будущего. Вместе с тем, стремление к сохранению идентичности в условиях глобализации делает всё более актуальным обращение к историческим и культурным истокам европейской цивилизации и национальных общностей внутри её.

Для восточных типов мировоззрения, в большей степени привязанных к традиционализму, чем к открытому обществу, социальному и техническому прогрессу, более характерно одномодусное времявидение. Но в ходе глобализации Восток приобщается к западному типу общества и мировоззрения, и растёт амбивалентность типов времявосприятия.

Особый характер одномодусного темпорального сознания присущ Востоку-Западу, в частности, русскому мировоззрению. Глубоко укоренённая в восточном христианстве

ортодоксальность наделяет реальным бытием из вечности не только прошлое и настоящее, но и будущее. «В любом миге бытия, – писал С.Н. Булгаков, – в каждом его моменте просвечивает вечность, целостная и неделимая, в которой нет настоящего, прошлого и будущего, но все, что бывает, вневременно есть» [5, с. 177]. В соответствии с православным миропониманием, Булгаков считал, что наше Я бытийствует в трансцендентном божественно мире. А в философии всеединства В.С. Соловьёва ценностные и сверхценностные ориентиры наличествуют в вечности как сущее, а не как должное, и составляют предмет онтологии, а не только этики.

В последующую эпоху прогрессистское коммунистическое мировоззрение, утверждавшееся в СССР и целом ряде стран Восточной Европы и Азии, стало наделять будущее большей степенью действительности даже в сравнении с настоящим. Тем самым, хотя все три модуса времени наделяются реальным течением, одномодусность оказывается неорганичной и противоречивой. Сегодня она постепенно преодолевается диалогическим путём, стремящимся к достижению взаимопонимания и взаимному проникновению различных типов мировоззрения.

Вот как характеризуется российское времяосуществование, в сопоставлении с европейским, современными разработчиками философии хозяйства, основы которой заложены С.Н. Булгаковым: «Европейское времявидение, времятечение и времяпровождение весьма иное, нежели российское. Если западомыслие время от времени твердит об иррациональности и непознаваемости русской души, (читай – бытия), то с нашей стороны, действительно, их времяпротекание разумно и линейно – от прошедшего прошлого к настоящему, устремляясь к будущему. Прошлое прошло и уже иллюзорно и малосущественно, настоящее имеется и составляет смысл жизни, будущее ожидается и предусматривается».

В России – иначе. Здесь прошлое не прошло, а более или менее вечно. Настоящее – ненастоящее, ибо мнится настоящим некое будущее, одним – светлое, другим – чудовищное, третьим – грандиозное, четвертым – ничтожное. Но всем – с превосходной степенью... Прошлое здесь не является прошедшим, оно не вечно как прошедшее, а живет с каждым в его настоящем, здесь и сейчас» [6, с. 342–343].

Украина и Белоруссия, имеющие общие с Россией исторические корни в Киевской Руси, в последующей своей истории стали своего рода мостами между Западной Европой и Россией, а также другими евроазиатскими культурами. В составе Российской империи и Советского Союза происходит сближение образа жизни и сознания восточнославянских народов, в т. ч. типов времятечения и времявидения. Основой единения были не только общие культурно-исторические истоки, но также имперское государство, а в советские времена – коммунистическая идеология, тоталитарный политический режим и централизованная плановая экономика. После распада СССР народы каждого из государств идут относительно независимыми путями, переживающими сегодня очень сложный период, особенно в отношениях между Россией и Украиной.

Литературно-философское осмысление времяосуществования и переживания исторического времени в постсоветской Украине и глобальном мире очень выразительно и глубоко отражено в избранных поэтических произведениях Лины Костенко «Річка Геракліта» [7]:

Усе змінилось. Люди і часи.
Двадцятий вік уже за перелазом.

.....
Епоха зашморгнулась, як Дункан.
Спиніться, люди. Хоч поставте кому.

В этот переломный период душа поэта переживает конфликт своего сверхмодусного бытия: «Душа належить людству і епохам» – с неумолимым ускорением бега времени: «Шалені темпи. Час не наша власність». Поэт видит себя в любую эпоху своей и в то же время нигде не укоренённой, но во власти Бога:

Я скрізь своя, і я ніде не дома.
 Душа летить у посвіті епох.
 І де цей шлях почався, – невідомо.
 І де урветься, знає тільки Бог.

Стремясь преодолевать распад связи времён, поэт призывает читателей в наступающем будущем не забывать незабвенное:

Вже почалось, мабуть, майбутнє.
 Оце, либонь, вже почалось...
 Не забувайте незабутнє,
 воно вже інеєм взялось!

Поэтическому восприятию, как и украинской философии, свойственно экзистенциальное переживание времени:

Не час минає, а минаєм ми.
 А ми минаєм... ми минаєм... так-то...
 А час – це тільки відбивання такту.
 Тік-так, тік-так... і в цьому вся трагічність.
 Час – не хвилини, час – віки і вічність.
 А день, і ніч, і звечора до рання –
 це тільки віхи цього проминання.
 Це тільки мить, уривочок, фрагмент.

В этом же отрывке усматривается отмеченная выше трактовка первой аксиомы логики времени Уёмова, согласно которой стирается грань между моментом времени и событием, и ожидание того, что «будут найдены такие события, которые имеют место вечно, то есть во все моменты времени» [1, с. 276].

Поэзия Лины Костенко выражает и в немалой степени формирует сознание украинского народа и сегодня, составляя предмет многих научных исследований. Опираясь на некоторые из них, можно сделать вывод о том, что времявидение постсоветского периода в Украине во многом характеризуется тенденцией к дополнению ставшего для многих привычным трёхмодусного представления одномодусным пониманием времени.

Вместе с тем, в последние годы времяосуществование в общественно-политической жизни и его переживание в сознании людей в Украине происходит с нарастанием разрушительных тенденций к распаду связи времён. И в современных условиях очень важны как обращение к достоверным источникам исторической памяти, так и объективная оценка перспектив развития, ответственный выбор своего будущего.

В наших странах в последние десятилетия проявляются тенденции вступления в эпоху постмодерна и проникновения идей постмодернизма в искусство и философию. Зародившись на Западе, идеи и явления «постсовременности» и «постистории» дают пример нового варианта интерпретации одномодусного времени. В «конце истории» время, конечно, не застывает, события происходят, но ничего принципиально нового не возникает. Реальная история всё же продолжается, опровергая мифы о вечности либеральной цивилизации, как в концепции Ф. Фукуямы. Постмодернистский «конец света» Ж. Бодрийара, в котором мир гибнет в виртуальности круговращения ничего не значащих символов и знаков, соотносится с языческой гибелью Космоса в Хаосе – бездне, способной родить новый мир. Но продукт информационной революции и глобализации – это, скорее, Хаос как беспорядок либо его антипод-близнец – Хаос как заорганизованность, из безвременья которых вряд ли может возникнуть новый Космос. Безвременно следует отличать от вечности времени как такового.

Требуется более обстоятельный и углублённый анализ соотношения одно- и трёхмодусного времяосуществования и времявидения не только в общественной жизни, искусстве и философии, но и в науке, в том числе исторической, в различных логических системах и теориях систем, а также времятечения природе.

Однако из краткого обзора интерпретаций логики одномодусного времени можно

сделать вывод, что оно не является только формальным конструктом. Одномодусное время обнаруживается в качестве реальной составляющей любого типа исторического времени, дополнительным к трёхмодусному времявидению. Поэтому очень важны разработка и применение логики времени, которые раскроют её большой исследовательский потенциал.

Список литературы:

1. Уёмов, А.И. Послесловие / А.И. Уёмов // Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин. Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 272–276.
2. Фалько, В.И. Философия музыки А.Ф. Лосева как интерпретация параметрической общей теории систем и логики времени А.И. Уёмова / В.И. Фалько // Уёмовские чтения I–IV (2013–2016): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова / Философский факультет ОНУ им. И.И. Мечникова. – Одесса, Печатный дом, 2016. – С. 284–290.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
4. Жюльен, Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / Ф. Жюльен. – М.: Прогресс – Традиция, 2005. – 280 с.
5. Булгаков, С.Н. свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
6. Казанцев, Н.М. Времясуществование хозяйства и государства России / Н.М. Казанцев // Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова). – М.: Издание Московского университета; ТЕИС, 1998. С. 342–368.
7. Костенко, Л.В. Річка Геракліта / Ліна Костенко. – Київ: Либідь, 2011. – 336 с.

Швец О. В.

ЕСТЬ ЛИ ТВОРЕЦ У ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ?

Факт появления нашего мира не случайным образом и поныне остается в поле дискуссии и полемики, как в области науки, так и в области философии. Законы, которыми пронизана вся наша Вселенная постоянно вводят в заблуждение тем, что при проведении экспериментов ученые зачастую получают неоднозначные результаты, трактовка которых ставит под сомнение все наши знания и накопленный столетиями опыт. Любой измерительный прибор имеет допустимый диапазон погрешности результатов. В случае, когда результаты эксперимента выходят за рамки этого диапазона, ученым сложно сделать точный вывод, необходимо добавить дополнительную единицу измерения или полностью переделывать формулу. Однако даже при проделывании всех этих процедур результат бывает не определен. В чем ошибка: в условиях эксперимента, формуле, приборе? Эти и многие вопросы остаются без ответа. Законы так четко встроены в структуру нашего мироздания, что создается впечатление, что с одной стороны они подстроены под разумных и мыслящих существ (нас), с другой, мы не можем до конца эти законы разгадать. Особенно до конца остаются загадкой законы квантового мира. При их изучении мы сталкиваемся с такой организацией мира и его структурой, что наше сознание просто пока что не в силах его постичь.

Одно можно точно сказать, законы природы настолько совершенны, чтобы мы их считаем простыми и очевидными. Даже если предположить, что наша Вселенная является одной из Мультивселенных или Матрицей со всевозможными вариациями этих законов, в каждой из них проблема объяснения и доказательства становится более структурно сложной и требует дополнительных системных элементов. Законы, которые здесь мы имеем ввиду настолько тонко надстроены (подстроены) в системе универсума, что предполагают мыслящий ум. Если взять тезис о том, что Бог бесконечен и пронизывает все, то он, безусловно, обладает атрибутом Ума, как считает известный российский философ Михаил Эпштейн: «он не может быть умом ограниченным, пусть даже и весьма мощным – всякое ограничение ума сразу бы поставило вопрос: почему ограничение таково, а не какое-то иное?» [1]. И таким образом мы хотим опровергнуть лишь учение о хаосогенезе. Все происходило так, как должно было и никак иначе. Следует признать, что Творец не только Великий Архитектор и инженер мироздания, но и величайший ученый! И в погоне за технологиями мы лишь можем «схватить его за бороду», но не открыть полностью все тайны которые он вложил в мироздание!

Согласно известному британскому философу XX века А.Н. Уайтхеду, в настоящее время преобладают четыре основных учения относительно законов природы, он выделяет следующие: «учение об имманентности законов природы, учение о законах природы, регулирующих извне поведение предметов природы, учение о законах природы как о наблюдаемом порядке следования явлений (т.е. законы понимаются как простое описание) и, наконец, последнее учение – о законах как о конвенциональной интерпретации» [2, с.154]. Тем не менее, однозначно можно утверждать одно, что многие современные ученые и наука в целом воспроизводят те же самые ограничения, которые господствовали в прошедшую эллинистическую эпоху и конечно преобладали в эпоху схоластики. Философ делает вывод, что «они направляют мышление и наблюдение по predeterminedому руслу, исходя из неадекватных метафизических предположений, принятых догматически. Современные предположения отличаются от прежних, при этом не всегда в лучшую сторону. Они исключают из рационалистического мышления большинство конечных ценностей существования» [2, с.162].

Не смотря на все усложняющую картину мира, однозначный ответ на вопрос о сотворении известных нам законов природы наука в лице своих представителей нам не дает. Философский дискурс предполагает дальнейшее обсуждение поставленной проблемы во всех областях науки.

Список литературы:

1. Михаил Эпштейн «Кто создал Бога?» // Журнал «Сноб» [Электронный источник] – Режим доступа к источнику: [www. snob.ru/profile/27355/blog/95443](http://www.snob.ru/profile/27355/blog/95443)
2. Уайтхед, Альфред Норд. Приключение идей [Текст]/ Альфред Норд Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой; [примеч. С.С. Неретиной]/ Науч. Ред. С.С. Неретина. Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. – М.: ИНРАН, 2009. – 383 с.

Шимко А. С.

РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫЕ СРЕДЫ КАК СИСТЕМЫ РЕФЛЕКСИИ

С самого зарождения философии рефлексия является ее ключевым инструментом, обретая различные формы и типы. Глубокий анализ рефлексивных практик представлен, к примеру, в текстах Ф.В.Лазарева [3].

В последнее десятилетие благодаря усилиям российского исследователя В. Е. Лепского активно развиваются представления о новом способе рефлексивных практик, связываемых с формированием рефлексивно-активных сред. В этой связи и представляется целесообразным более подробное рассмотрение ключевых элементов того, что именуется «рефлексивно-средовой парадигмой».

Если просмотреть основные ориентиры, которые направляют развитие человечества в будущее, то они традиционно связываются с демократией, экономикой, управлением, научной рациональностью. Но все больше и больше складывается ощущение, что эти «векторы» уверенно направляют человечество в кризис. Для того, чтобы найти альтернативные пути преодоления этого негативного движения современной цивилизации в никуда и было введено представление о «7-м технологическом укладе».

Технологический уклад – совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Смена доминирующих в экономике технологических укладов предопределяет неравномерный ход научно-технического прогресса [4, с. 97].

Представления о 7-м технологическом укладе развиваются современным российским психологом, специалистом по теории управления В.Е.Лепским. В исследовании «Рефлексивно-активные среды инновационного развития» ученый говорит о следующем уровне, который некоторым образом надстроен над современным 6-м укладом, контролирует его, организует, упорядочивает и связан с проблемами мироустройства, новыми моделями, новыми формами жизни на планете.

Этот уклад – своеобразная верхняя социогуманитарная надстройка. Принципиальное отличие нового уклада от предыдущего – направленность не на познание, а на *конструирование*. Реальность не отражается, не воспринимается, а моделируется и человечество живёт, используя эти модели.

7-й уклад В.Е. Лепский предлагает понимать, как производство людей, способных создавать технологии, организовывать новые условия жизни и формы сознания, порождать новые реальности (технологические, культурные, социальные).

Перед наукой в такой ситуации возникают принципиально новые цели – серьезный взгляд на существующую систему ценностей. Т.е. знания, полученные кем-то, неотделимы от субъектов, от их связи с культурой, со специфическими ценностными ориентациями. Парадокс, по мнению Лепского, заключается в следующем: в науку ввели понятия «моральность», а в технологию – нет. И тем самым научно-технический прогресс все еще продолжает «обслуживать» общество потребления.

Развитие рефлексии как специфического способа ментального освоения мира является важнейшим достижением техногенной цивилизации. И в результате этого развития возникла необходимость нового осмысления, прежде всего, гуманитарного знания как важнейшего инструмента управления цивилизационными процессами. Человечество должно понять, что социогуманитарные проблемы должны стать приоритетными по сравнению с традиционными техногенными технологическими разработками. Как пробудить такого рода рефлексии? Предложенный В.Е. Лепским путь – формирование 7-го социогуманитарного технологического уклада. Личность 7-го уклада должна быть высокого уровня сознания, высокого интеллекта, высочайшего морального и экологического воспитания, внутреннего видения [1].

Под рефлексией учёный предлагает понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя, строящими такие модели.

В контексте 7-го уклада все субъекты рассматриваются как *рефлексивные системы*. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы, организации и целые страны.

В условиях глобализации субъект инновационного развития должен брать на себя ответственность за производимые им воздействия на общество, за дальнейший ход эволюции в направлении к одухотворению мира. При этом важно выработать духовную общность субъектов, которая будет являться основой совместной деятельности, даст ориентир и облегчит многие решения. Чем больше включенных субъектов осознают направления процессов изменений, тем быстрее возникнет благотворный резонанс.

Лепский считает, что, *рефлексия* должна стать базовой характеристикой социогуманитарной модели субъектов инновационного развития. Субъект представим в виде полисубъектной рефлексивной системы, через свое функционирование воплощающей себя как целостного рефлексивного субъекта.

«Схема развития», которая по мнению Лепского является благом для общества и максимально ориентирует на свободную развивающуюся личность, в общих чертах включает следующие процедуры:

- 1) разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности;
- 2) актуализацию рефлексии (как единственной возможности самому создать, осознанно выбрать новую форму жизнедеятельности, а также организовать процесс перехода к ней);
- 3) организацию рефлексивной кооперации.

Активными в конструкции Лепского являются термины: *«рефлексивно-активные среды»*, *технологии организации* и развития сред, в которых сама среда становится субъектом. Понятие *«саморазвивающиеся среды»* связано с целым направлением стратегических проблем, разрешение которых обусловлено достижениями таких исследовательских направлений, как синергетика, управление сложностью, субъектно-ориентированный подход и т.д.

В 7-м укладе одна из основных задач – это сборка субъектов развития. Сборка затрагивает все виды процессов формирования целостности, создание макросубъекта из отдельных субъектов.

Аналитика – это вчерашний день, по мысли учёного. Сегодня надо вести речь об *интеграторах*. В XXI в. идет сборка целостного и работа над целостным: над смыслом жизни, над субъектностью.

Лепский отмечает важность для развития 7-го технологического уклада трансдисциплинарного подхода. Действительно, у каждой науки свой язык (один нанотехнолог, другой – биотехнолог, третий – когнотехнолог и т.д.). Приходит новый специалист-интегратор, и его задача – организовать коммуникативное пространство: выйти в культурное пространство, актуализировать там определенные модели, которые могли бы иметь связь с разными языками, были бы легко переводимыми на эти языки. И тогда появляется некое *культурное деятельности метапространство*. Новое не выстраивается, а «выращивается»: организация идет не по заранее заданной траектории, а порождает цели в ходе своего развития, это принципиально новая модель развития.

В рамках 7-го уклада мир каждый раз конструируется заново и в сознании субъекта культура строится как результат внутренней активности «новых людей». Это уже многомерная культура, метакультура, отдельными срезами которой являются те или иные культурные среды. Это не смешение культур, не эклектичное принятие чужих культурных достижений, не уравнивание с ними собственных культурных обретений. Это формирующий взгляд, позволяющий придать становящейся культуре многомерный сложный динамичный характер.

Одним из примеров подобных гуманитарных технологий является *сборка субъектных рефлексивных площадок современного научного знания* – позиций субъекта, осна-

щенных специальными средствами для осознания своих отношений с миром, самим собой и своей деятельности.

Рефлексивные площадки используются субъектом для структурирования и пере-структурирования своей деятельности, автокоммуникации и коммуникации с другими субъектами через согласование представляемых ими реальностей. Совершенно очевидно, что такой подход к работе с формальными схемами является трансдисциплинарным.

Лепский предлагает введение в контекст любых научных исследований понятия «среды», на фоне которой они проводятся. Среда включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития; но при этом сама рассматривается как саморазвивающаяся система. Эта среда выступает как доступное активное хранилище социально-нормированного опыта, как своего рода интеллектуальный тренажер и помощник субъектов.

Средовая парадигма саморазвивающихся систем, а именно о формировании такой парадигмы говорит исследователь, становится ведущей в контексте 7-го технологического уклада.

Лепский выделяет многоуровневую структуру модели сред инновационного развития, в котором *мировоззренческий уровень* ориентирован на ценности и смыслы. *Концептуальный уровень* связан с вопросами «Что должно быть сделано?» и «Как это сделать лучше?» Для *технологического уровня* центральной является проблема взаимодействия различных компонентов, способов управления. *Реализационный уровень* предполагает практическое внедрение сред инновационного развития и их проверку на прочность в условиях реальной жизни.

В качестве примера технологии по созданию рефлексивно-активных сред предлагается рассматривать методику «форсайта», в основе которой лежит средовая детерминация будущего. В рамках форсайта неявно ставится проблема «сборки» совокупного субъекта формирования будущего на основе использования рефлексивных технологий. Так, в японских долгосрочных прогнозах научно-технологического развития, проводимых каждые пять лет, участвует более 2-х тысяч экспертов, а в последнем корейском проекте участвовали более 10 тысяч экспертов [4, с. 112]. В итоге участники получают некое общее представление о перспективах развития и о действиях в той или иной ситуации. У субъекта появляется возможность организовать «свертывание» рефлексивных площадок (субъектных позиций) в соответствующие структуры среды, накапливая в «активной форме» личный опыт в окружающей среде. Методика «форсайт» демонстрирует тенденцию доминанты средовой парадигмы.

Выделим варианты обобщенных процедур согласования субъектных позиций в «среде»: в среде формируется (актуализируется) рефлексивная площадка, адекватная площадке субъекта; среда формирует (актуализирует) у субъекта имеющуюся у него рефлексивную площадку; субъект и среда совместно создают новую рефлексивную площадку.

В работе Лепского с позиций субъектно-ориентированного подхода разработаны методологические основы организации рефлексивно-активных сред инновационного развития.

Современный характер инновационной деятельности, представляя собой деятельность меняющегося субъекта в динамичной среде, предъявляет исключительно высокие требования к его рефлексивной культуре. Эта рефлексивная культура и предстает одним из вариантов технологий 7-го уклада, технологий формирования новых форм жизнедеятельности на планете, технологий конструирования социальной реальности.

Список литературы:

1. Бахтияров О. Г. Седьмой технологический уклад: парадокс свободы и воли [Электронный ресурс]. – Режим доступа до ресурса: <http://getsko-p.livejournal.com/458776.html>.
2. Кричевский С.В. Эволюция технологий и технологических укладов в пара-

дигме «зеленого» развития и глобального будущего // Наука та наукознавство / Science and Science of Science (Міжнародний науковий журнал. Київ). – 2015. – №2 (88). – С. 73-79.

3. Лазарев Ф.В. Формы и типы философской рефлексии // Вопросы духовной культуры. – С. 179-186.

Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

Шохов А. С.

ВЗАИМОЭКСПЛИКАЦИЯ КАК ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ НИКЛАСА ЛУМАНА)

Анализ текстов Никласа Лумана позволяет наглядно увидеть, как автор осуществляет *смещение значений терминов* в используемых им конструктах и концептах. Поскольку «терминологическое гнездо» (термин Л.Н.Богатой) [2] того или иного исследования представляет собой сеть взаимосвязанных друг с другом терминологических конструктов, некоторые из которых, укореняясь в философской культуре, обретают статус устоявшихся понятий, сдвиг значений используемых терминов происходит в едином смысловом поле («локальном пространстве смысла» [3, с. 215]). В связи с этим представляется целесообразным ввести в оборот термин «*взаимоэкспликация*», который отражает процесс взаимного смыслового раскрытия связанных друг с другом конструктов. Новые смысловые оттенки возникают именно в результате взаимной увязки смыслов сопрягаемых в тексте терминов.

Гипотеза, предлагаемая к обсуждению, состоит в том, что *взаимоэкспликация* может использоваться как одна из процедур анализа терминологического базиса философского текста. В качестве примера к рассмотрению предлагается *взаимоэкспликация терминов*, активно используемых Н.Луманом: «*контингентность*», «*двойная контингентность*», «*коммуникация*».

««Контингентное»² ... обозначает предметы в горизонте возможных изменений...» [5, с. 156]. Термин «*контингентность*» является для Никласа Лумана одним из фундаментально важных. Это связано с ролью контингентности в зарождении, функционировании и развитии социальных систем. Контингентность становится условием порождения нового. С контингентностью тесно сплетены термины «*дифференциация*», «*власть*», «*селекция*», «*комплексность*». Можно сказать, что *бытие социального* в целом связывается Луманом с *контингентностью* в разных формах ее проявления.

Особый случай контингентности представляет собой «*двойная контингентность*». Проблема двойной контингентности формулировалась Т.Парсонсом [6, с. 504-545] на языке, в котором *контингентность* является синонимом *неопределенности* (а неопределенность – синонимом неоднозначности). Луман существенно изменил смысл этого термина.

В парной коммуникации проблема двойной контингентности до Лумана формулировалась как взаимное ожидание участниками реплик или активностей друг друга, чтобы сформировать свое собственное отношение к происходящему. Двойная контингентность, таким образом, воспринималась как ситуация, в которой коммуникация логически не может быть начата, поскольку участники оказываются в полностью неопределенном положении и не могут определить статус друг друга.

А.Ю.Антоновский замечает, что проблема двойной контингентности имеет еще более глубокие корни. Если участники коммуникации могут относиться только к тому, что уже произошло, и оценивать только то, что уже случилось, значит, вообще говоря, они не имеют никаких инструментов и технологий для того, чтобы управлять настоящим, ведь прямо здесь и сейчас они просто не успевают осознавать и анализировать то, что происходит. А.Ю.Антоновский пишет: «если реагировать можно лишь на прошлое, что же обеспечивает порядок в данное мгновение?» [1, с. 8].

По Луману, когда два индивида оказываются в положении «*двойной контингентности*», то есть взаимного ожидания определенности, они начинают двигаться методом проб и ошибок (приветливый взгляд, жест, подарок, слова о погоде и т.п.), отслеживая

² Термин происходит от лат. *contingere* – случаться.

отклик. Решение проблемы двойной контингентности через совершение вроде бы *ничем не обусловленных, произвольных* ходов, отклик на которые позволяет уменьшить контингентность ситуации, выглядит красивым и остроумным.

Двойную контингентность Н.Луман воспринимает не как проблему, а как возможность, создающую условия для возникновения «невероятного порядка», который и предопределяет развитие социальной системы. Общество (по Н.Луману) является одной из форм такого «невероятного порядка» и одним из способов обращения с двойной контингентностью.

Двойная контингентность (по Н.Луману) служит своеобразным катализатором возникновения и построения всех форм социальных систем: (*общество, которое с точки зрения немецкого исследователя и есть коммуникация, интеракция и организация*) [5, с. 174]. Происходит это за счет того, что ситуация двойной контингентности начинает рассматриваться участниками как пробуждающая взаимные любопытство и интерес, которые, фактически, и становятся главными движущими силами зарождения и продолжения коммуникации. Неопределенность, воспринятая как контингентность, превращается в возможность *иного*.

В таком ракурсе рассмотрения неопределенность больше не является раздражающим ситуативным недостатком, скорее неопределенность обретает смысл гибкого фона, способствующего возникновению нового. Выделение контингентности на фоне неопределенности является первым шагом в обработке ситуации двойной контингентности. Вторым шагом становится *самоотнесение* к происходящим здесь и теперь интеракциям участников, результат которых образует новую *действительность*. Эта *действительность* проявляется во взаимодействии как своеобразная *редукция контингентности*.

Чрезвычайно важно заметить, что термин «коммуникация» понимается Н.Луманом совершенно по-особенному и отличается от того значения термина, которое можно найти, например, у К.Шеннона. Коммуникация для Лумана – это один из процессов, происходящих в ситуации двойной контингентности («все коммуникации рискованны» [4]), участники коммуникации осуществляют отборы (селекции), результатом которых является установление или неустановление коммуникации.

Список литературы:

1. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем [Текст] / А. Ю. Антоновский. – Москва: ИФ-РАН, 2007. – 135 с.
2. Богатая Л. Н. Выявление терминологических гнезд как один из методов современной гуманитаристики / Лидия Николаевна Богатая. // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Філософія. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т. – 2015. – №754–755. – С. 59–66.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению [Текст] / Лидия Николаевна Богатая. – Одесса: Печатный дом, 2010. – 372 с.
4. Луман Н. Что такое коммуникация? [Текст] / Никлас Луман. // Социологический журнал. – 1995. – №3. – С. 114–124.
5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман. – СПб: Наука, 2007. – 648 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. [Текст] / Толкотт Парсонс. – Москва: Академический Проект, 2002. – 880 с.

Щедрин А. Т.

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ «СЕТІ – SETI»

Объектом изучения философии техники (ФТ), является феномен техники как «второй природы», как сфера **реализации сущностных сил человека**. Как феномен техника последовательно выступает в виде орудий, машин, образующих технологический комплекс, технических сооружений, а затем и складывающейся **техносферы**. К феноменальным измерениям техники относятся также знания, используемые в технико-технологической деятельности, различные культурные «тексты», в которых обсуждается всё более широкий круг развития техники, и социокультурных оснований форм и последствий её развития. В отличие от феноменальных описаний, которые присутствуют в ФТ как эмпирический материал, предмет ФТ – природа техники, её соотношение с другими сферами человеческой деятельности и культуротворчества – с наукой, искусством, инженерной деятельностью, прогнозированием [1; 7]. Предмет ФТ – это и возникновение техники, и этапы её развития, место в детерминирующих основаниях развития земной цивилизации, влияние техники на человека и «первую» природу, её роль в трансформации человечества в одну из техногенных цивилизаций во Вселенной.

«Негеоцентрическое» расширение исследовательских полей ФТ не в последнюю очередь связано с постановкой во второй половине XX в. «проблемы **СЕТІ**» (от англ. *Communication with ExtraTerrestrial Intelligent* – связь с внеземным разумом), а затем и «проблемы **СЕТІ – SETI**» (от англ. *Search for ExtraTerrestrial Intelligent* – поиск внеземного разума). Внутренняя структура и логика развития «проблемы **СЕТІ – SETI**», специфика её изучения в проблемном поле ФТ, социокультурные контексты её функционирования в универсуме культуры делают необходимым широкое применение подходов, сложившихся в **теории систем**, у истоков которой находился А.И.Уёмов (1928-2012) [8].

Концепция техносферы и рассуждения по аналогии в постановке проблемы «СЕТІ – SETI». Техносфера – динамичная искусственная оболочка Земли, неразрывно связанная с эволюцией самого человека, – является одним из индикаторов хода антропосоциогенеза, процессов, происходящих в **антропосфере**. Её становление, по-видимому, отражает также и негеоцентрические аспекты развития земного разума, совпадение морфологических особенностей деятельности при сходстве (или хотя бы близости) субстратной основы социального развития.

Техносфера, «вторая природа», которая изначально воплощает человеческий труд, является проекцией самого человека, определяет границы культуротворческих процессов. По мере социализации человека изменяется характер самого труда, – от инстинктивных форм, балансирующих на границе «биологическое – социальное» до **труда системного**, организованного научно-техническим разумом. Претерпевают изменения и в том **технологическом комплексе**, которые разграничивает природу и культуру, определяет характер и масштабы культуротворческих процессов. Важным этапом в расширении антропологических границ культуры явился выход технологического комплекса за пределы биологических параметров отдельно взятого индивида. Нарушение этой человеко-соразмерности (которая определяла крайне медленные темпы развития Архаики) технологического комплекса, расширение его вещественной, энергетической, информационной основ превращается в важнейший фактор социальной динамики эпохи цивилизации. Техносфера постепенно **приобретает космопланетарные измерения**, складывается вектор технико-технологического, социального, культурного развития, связанный с **космизацией** всех сфер культуры человечества. Развитие техносферы, в конечном счёте, трансформирует человечество (как и иные подобные онтосоциальные системы во Вселенной) в **техногенную цивилизацию** [10]. На определенном этапе подобные системы оказывается перед дилеммой: исчезновение или преобразование в космическую, которая неизбежно перерастает границы материнской планеты.

Концепция техносферы как реализация принципа системности в постановке проблемы «СЕТИ – SETI». Формирующаяся, растущая техносфера начинает определять пространственно-временные параметры, хронотоп существования отдельных социумов, социальных «организмов», а затем и человечества как космопланетарного субъекта. В растущей, динамично развивающейся техносфере, возникают и принципиально новые **коммуникативные средства**, само появление которых непосредственно затрагивает основы бытия социума; они создают возможность превращения человечества в **«открытую»** антиэнтропийную **диссипативную систему**, активно взаимодействующую веществом и энергией с окружающим Космосом. А это совершенно по-новому ставит проблему **социального бессмертия** человечества.

Важным элементом морфологии разворачивающегося процесса была постепенная трансформация натурфилософской проблемы бытия **внеземного разума, внеземных цивилизаций (ВЦ)** в общенаучную, общекультурную проблему «СЕТИ – SETI». Это был процесс, имеющий определённые временные рамки, а также социокультурную детерминацию, связанную с качественными трансформациями **техногенной цивилизации**, ростом, усложнением техносферы. В начале второй половины XX в. проявляются и получают дальнейшее развитие ряд проекций фундаментальной проблемы бытия внеземного разума как в различных сферах культуры, культурных практиках, так и возникновение новых. Среди новых практик, связанной с развитием радиоастрономии как феномена неклассической науки, была и **радиоастрономическая парадигма (РаП)** поиска сигналов ВЦ [3]. Одновременно с радиопоиском ВЦ появляются и другие направления, – **поиски инопланетного зонда в Солнечной системе**; следов **палеовизита** (материальные, информационные подтверждения посещения инопланетянами Земли в геологическом и историческом прошлом); феноменов **астроинженерной деятельности**. Сложность постановки проблемы «СЕТИ – SETI» усугублялась наличием **альтернативной программы**, претендующей на решение проблемы внеземного разума и развивающейся за пределами функционирующей научной картины мира, – **«UFO-программы»** (от англ. *Unidentified Flying Object – Неопознанный Летящий Объект.*) «UFO-программа» также была специфическим отражением тех процессов, которые происходили в техносфере и была попыткой их осмысления.

Лидирующая роль **РаП** как направления поисков внеземных цивилизаций была связана, прежде всего, с тем, что именно радиоастрономия открывала возможность установить контакт с иными космопланетарными системами аналогичной (а, возможно, иной) по сравнению с человечеством космо-онтологической природы. При этом на начальных этапах становления РаП вопрос о том, кто находится «на другом конце провода», рассматривался и решался «по умолчанию». Современные поиски сигналов ВЦ, которые длятся уже почти шесть десятилетий, эмпирически значимых результатов пока не дают. С каждым годом по мере углубления **революции в современной астрономии**, развития прямых исследований Солнечной системы средствами практической космонавтики человечество всё более остро осознаёт собственное одиночество во Вселенной, о котором в свое время так убедительно писал Б. Паскаль. Мировоззренческие вопросы о том, «как часто возникает во Вселенной жизнь?»; «всегда ли развитие жизни приводит к появлению разума?»; «обязательно ли разумная жизнь стремится к развитию техники?»; «Способна ли долго существовать технически развитая цивилизация?»; «насколько безопасен для нас поиск братьев по разуму?», – эти, а также ряд иных вопросов, которые обозначают существенные моменты проблемы бытия ВЦ, широко обсуждаются в средствах массовой информации а, следовательно, приобретают дополнительную остроту [6].
. Ход обсуждения проблемы выявил совершенно отчётливо не только её **системный характер**, но и эволюцию мировоззренческих оснований её рассмотрения. Вектор такого рассмотрения отчётливо шёл от привычного дисциплинарно определённого рассмотрения проблемы в контексте астрономии, химии, геологии и т. д. (классическая наука), к

междисциплинарному (неклассическая наука), а от него к кластерному (постнеклассическая наука).

Концепция техносферы и астроинженерная деятельность в постановке проблемы «СЕТИ – SETI». Космопланетарный характер техносферы проявляется в развитии материального производства, состоящего из вещественно-энергетических комплексов. Этот процесс в предельно общей форме получил отражение в контексте «**философии космизма**» – важнейшего направления развития неклассической философии на рубеже XIX – XX вв. В научном сообществе возникает и получает признание идея **астроинженерной деятельности** как атрибутивной характеристики внеземных цивилизаций, существенно опередивших человечество в своём развитии; она означает и возникновение новых пространственных измерений производственной, производительной деятельности разума, – её движения в **мегамир**. В «SETI-программе» формируется направление исследований, ставящее по отношению к астрономическим объектам, явлениям, процессам, казалось бы, давно забытый в новоевропейском естествознании вопрос средневековой герменевтики, – «зачем?», «с какой целью?». «**Герменевтика SETI**» призвана разработать критерии идентификации феноменов техносфер тех космических субъектов, хронотоп бытия которых на порядки величин расходится с земной цивилизацией [9]. А разрыв в уровнях технологий земной цивилизации, с одной стороны, и внеземных, опередивших земную на целые геологические эпохи, – с другой, делает проблему идентификации астроинженерной деятельности крайне сложной [5].

Актуальные технологии, реально функционирующая техносфера, очерчивают антропологические границы освоенного мира: формы, направления использования вещества, энергии, границы трансформации их свойств, параметров, мощностей и т.д. Но рассмотрение техносферы как границы в контексте философии техники обладает значительной эвристикой, позволяет очертить динамику её движения, направления дальнейшего развития, связанные с технологическим **использованием пространственно-временных атрибутов материального мира**, – уже не только в плане расширения хронотопа бытия человечества, но и как непосредственных «технично-технологических агентов». Возможно, обнаружению подобных феноменов, связанных с технологическим использованием пространства – времени, созданием «кротовых нор»; феноменологию энергетики «чёрных дыр», открывающую «окна» в структурные единицы мироздания, выходящие за масштабы Метагалактики; технологии использования космологической антигравитации и «тёмной энергии» сможет помочь «герменевтика SETI».

Концепция техносферы и проблема «СЕТИ – SETI»: из мезокосмоса в микромир. Если функционирование человекосоразмерного технологического комплекса происходило в **мезомире**, мире «средних» пространственных величин, то с ускорением движения в направлении техногенной цивилизации, процессами космизации культуры в технологии выявляются новые «космические измерения».

«Технологический прорыв» в микромир, расширение антропологических границ техносферы, которые являются, по-видимому, важной вехой на шкале развития техногенной цивилизации, обозначились по двум направлениям, имеющим отчётливо выраженное экзистенциальное измерение. Это, прежде всего, **атомная энергетика**, с которой впервые в истории оказалась связанной возможность смертности уже не отдельного этноса, народа и т. д. (что бывало в предыдущей истории не раз), а уже человечества в целом. Возникли опасения, что гамлетовский вопрос – «быть или не быть» – возникший перед человечеством в середине XX в., звучит и на «галактических подмостках». И ответ на него далеко не очевиден, свидетельством чего является феномен упорного «Молчания Космоса», – потенциальные собеседники человечества уже успели сгореть в ядерных конфликтах в геологическом или историческом прошлом (К.Ясперс).

Вторым направлением, обозначившим технико-технологическое «проникновение» в микромир с далеко идущими последствиями явились **нанотехнологии**. В их основе была идея перемещения материального производства в микромир, использования от-

дельных атомов в качестве строительных деталей (Р. Фейнман). Гипотетические устройства – **репликаторы** (их аналог – современные 3D-принтеры) как промежуточная стадия, этап развития нанотехнологий, – могли бы осуществить «развертку» твердого тела, атом за атомом, и сделать «запись», поддающуюся в дальнейшем многократному воспроизведению (А.Кларк). Нанотехнологии в предельном выражении меняют всю мотивацию трудовой деятельности человечества (и, по-видимому, не только), включая своеобразный механизм «**гедонистического торможения**» цивилизации, утраты интереса к творческой деятельности, элементы которого просматриваются уже в современном «потребительском» обществе.

Возникновение нанотехнологий подчёркивает **системный характер** техногенеза, оказывает влияние (не всегда лежащее на поверхности) на ставшие привычными направления «SETI-программы», – речь идёт, прежде всего, о концепции «зонда Брейсуэлла» [2]. При обсуждении направлений реализации «SETI-программ» поиск долгоживущего зонда ВЦ в Солнечной системе вызывает интерес специалистов. Но при этом «по умолчанию» принимается точка зрения, согласно которой это будет «твёрдый» объект, наподобие ИСЗ «Космос» или АМС «Пионер», но на качественно более высоком уровне. Вместе с тем введение феномена нанотехнологии, в известной мере, корректирует сложившийся подход. Наблюдателем и собеседником человечества вполне может оказаться «**зонд ситуативной конфигурации**». Его морфология может задаваться множеством наноавтоматов, составляющих его основу, с одной стороны, и характером решаемой конкретной задачи, возникающей на данном этапе развития человечества, – с другой. С точки зрения астрономически-операциональной, заслуживает, по-видимому, внимания и поиск макрозондов-репликаторов, осуществляющих «самовоспроизведение» вещественных и энергетических ресурсов не только планет или планетоподобных тел Солнечной системы, а Солнца (П. Амнуэль).

Концепция техносферы, изменение форм «онтологии социального» и проблема «СЕТИ – SETI». Актуальные технологии, определяющие специфику техногенной цивилизации, формы её бытия во Вселенной, в Универсуме, не только «экстравертны», т. е. делающими на определённом этапе «видимой» использующую их цивилизацию для внешних наблюдателей. Обратной стороной этих технологий является «интровертность», – растущее воздействие, вплоть до полной трансформации исходных субстратных (в нашем случае антропологических) основ цивилизации. Этапами на пути процессов, начатых «**киборгизацией**» человека, могут стать качественное **изменение форм «онтологии социального»**, – её носителем, субстратом могут стать техногенные сетевые структуры, а субъектом – «оцифрованное человечество».

«Оцифровка» личности, Сеть как сфера бытия «оцифрованного» Homo Sapiens'a, последующее «перемонтирование» энерго-информационных процессов с искусственных на вполне естественные «носители» (астрономические объекты и процессы различного уровня) как стадий трансформации субстратных оснований бытия человека (или уже не-человека?) может иметь целый веер неожиданных следствий. В частности, возникновение своеобразных «призрачных» (для наблюдателя земного типа) **криптоноосфер** (от κρυπτός, – тайный, скрытый, и ...ноосфер), хронотоп бытия которых, его феноменология, праксиология и, не в последнюю очередь, аксиология, могут далеко выходить за концептуальный горизонт человечества. Криптоноосферы **как феномены некоего «техногенного ноогиллозоизма»**, в которых информационные процессы будут связаны уже не с техногенными, а природными (астрономическими) структурами и процессами, могут образовывать новый, пока ещё не известный нам сегодня класс астрономических объектов (субъектов?). В этой связи возникает проблема критериев наблюдаемости и идентификации этих феноменов (субъектов?) галактического социокультурного пространства, или «галактического культурного поля» [4].

Частью техносферы, обладающая повышенной концентрацией негативных факторов, является **производственная среда**. Именно противоречивые процессы, происходя-

щие в онто-космологическом кластере «Техносфера – Биосфера – Социосфера – Ноосфера» делают возможным поливариантный **ноосферный синтез**. Один из путей его реализации, а, возможно, промежуточный этап (реализованный в галактическом социокультурном пространстве) – «**промышленные зоны ВЦ**» на расстояниях, соответствующих «полюсу Койпера» в Солнечной системе (критерии наблюдаемости подобного рода объектов были предложены харьковским астрономом В.А.Архиповым). Дальнейшими шагами в сторону реализации «техногенного ноогилозоизма» вполне могут стать варианты реализации идей, положенных в основу концепции «Сферы Дайсона».

«Размежевание» «Техносфера – Биосфера», изменение «онтологии социального» способно не только приостановить катастрофические процессы в биосфере, но и потенциально расширить её границы, – прежде всего, путём **терраформирования** геоморфных планет, где не возникли собственные биосферы, стимулирование биогенных процессов, формирования биосфер в экосфере Галактики. Философские, философско-культурологические проблемы изучения техносферы, их негеоцентрические, прогностические аспекты являются важным направлением дальнейшего развития философии техники.

Вместо заключения. ФТ как сфера философских исследований является нетрадиционной, современной. В ней отсутствует единая философской системы, – с одной стороны; с другой стороны, в ней наблюдается, помимо философской, рецепция иных форм рефлексии относительно техники – историческая, аксиологическая, методологическая и т. д. Введение проблематики «СЕТИ – SETI» в проблемные поля ФТ придают философский характер таким интенциям её мышления, которые направлены на анализ идеи и сущности техники, её места в культурном универсуме. ФТ потенциально способна стать ядром междисциплинарной области знаний, представляющей широкую философско-культурологическую, методологическую рефлексия над феноменом техники, проблематикой «СЕТИ – SETI».

Список литературы:

1. Аль-Ани, Н. М. Философия техники: очерки истории и теории / учебное пособие / Н. М.Аль-Ани.– СПб., 2004.– 184 с.
2. Ксанфомалити, Л. В. Проблема зондов внешней цивилизации, радиоэхо и гипотеза Брейсуэлла // Проблема поиска внеземных цивилизаций. – М.: Наука, 1981. – С. 55–67.
3. Мазор, Ю. Л. Радиоконтакт с внеземными цивилизациями: монография / Ю. Л. Мазор; Нац. техн. ун-т Украины «Киев. политехн. ин-т». – К.: НТУУ «КПИ», 2013. – 709 с.: рис., табл.
4. Панов, А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI) [Текст] / А. Д. Панов; послеслов.: Л. М. Гиндилиса. – М. : ЛКИ, 2008. – 208 с. : ил.
5. Перов, Н.И. Проблема поиска внеземных цивилизаций в Метагалактике. Примеры и задачи: [учебное пособие] / Н.И. Перов. – Ярославль: Изд-во ЯПГУ, 1998. – 83 с.
6. Поиск внеземных цивилизаций // В «Ночном эфире» Александра Гордона астрономы Владимир Сурдин и Лев Гиндилис [Электронный ресурс] // MyGenome.Ru: Новый научно-популярный портал о генетике. Электрон. текст. дан. [Б.м.], Эфир 17 сентября 2002. 00:35. Тема 139. Хронометраж 00:50. URL: <http://www.atheism.ru/science/science.phtml?id=863>
7. Тавризян, Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации» / Г.М. Тавризян.– М.: РОССПЭН, 2009.– 216 с.: ил.– Серия: «Humanitas».
8. Уёмов, А. И. Системные аспекты философского знания / А. И. Уёмов. – Одесса, Негоциант, 2000.–160 с.
9. Щедрин, А. Т. «Феноменология» бытия и активности внеземных цивилизаций: проблема философско-методологической аксиоматики / Щедрин А. Т. // Суспільні науки: історія, сучасність, майбутнє : зб. тез. наук.-практ. конф., 6-7 трав. 2016 р. – К., 2016. – С. 79-85.

10. Щедрин, А. Т. Философские аспекты «СЕТИ-SETI»: проблемы субъектности межзвездного диалога / А. Т. Щедрин // Актуальні проблеми філософії соціології.– 2016.– Вип. 9.– С. 158-161.

Пунченко О. П.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НОВАЦИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Методологический инструментарий постнеклассической рациональности обогатился новыми стратегиями, подходами, методами, формами и процедурами научного познания. В современной науке он представляет функционально-организаторскую, направленно-регламентирующую исследовательскую деятельность и выражает рефлексивно-систематизированные способы ее осуществления. В первом значении методологический инструментарий понимается как совокупность методов, форм, подходов и приёмов осуществления познавательной деятельности в конкретной науке. Второе значение отражает необходимость анализа общих проблем формирования, подбора, применения научных методов в их единстве. В этом случае он выступает как общая теория метода. Его «главной задачей, – отмечает П.М. Бурак, – как специальной философской дисциплины является формирование представлений об общих основаниях, путях, закономерностях, принципах и методах организации, осуществления и развития научного познания. Методология науки вырабатывает общие схемы научного описания и объяснения, а также применения научных знаний [1, с. 107].

Однако сводить методологический инструментарий научного познания только к совокупности общелогических методов, приёмов, форм, материальных и идеальных средств научного познания – значит упускать её главное предназначение конструктивизм которого заключается в приращении и систематизации знаний. Так, рассматривая методологический инструментарий как совокупность способов деятельности и требований к мыслящему субъекту, сформулированных на основе её общих закономерностей, Т.Г. Лешкевич выделяет в его структуре две составляющие: «инструментальную, где формируются требования, которые обеспечивают протекание мыслительных и практических операций, определяется не содержание, а ход мысли и действие; конструктивную, направленную на приращение знания, получения нового содержания» [2, с. 350]. Сфера этого инструментария довольно устойчива, в ней есть арсенал средств, методов, принципов, установок, подходов, готовых к применению. Но в то же время ее содержание постоянно прирастает новыми познавательными подходами, операциями, формами и т.д. На конструктивизм использования методологического инструментария, как процесса приращения знания, указывают Я. С. Яскевич и В. К. Лукашевич отмечая, «что данное выражение и стоящее за ним понятие соотносятся с более широкой совокупностью компонентов научной познавательной деятельности (её границы чётко не обозначены), используемых в качестве средств приращения и систематизации знания» [3, с. 278].

Процесс приращения и систематизации знания реализуется благодаря тому, что методология научного познания формирует ту среду, в которой имеет место развитие научной мысли познающего субъекта. Методологический инструментарий, в таком понимании, есть творец науки, двигательная сила прогрессивного движения научной мысли, иппокрена творчества, основа логики роста научного знания, она смысло-соразмерный феномен бытия науки.

Развитие методологического инструментария обогащено сегодня новыми стратегиями научного поиска, подходами, методами, формами и процедурами научного познания. К стратегиям можно отнести: междисциплинарный подход, репрезентирующий ориентацию современного научного знания на изучение объекта как целостности, что предполагает интеграцию научных знаний и взаимодействие наук; собственно междисциплинарные системы знаний, отражающие процесс объединения дисциплин с целью создания новой онтологии и новых методов работы с ней (например, нанонауки); трансдисциплинарные системы знаний, как результат апробирования базовых принципов, идей и методов возникающих дисциплин в других областях знаний.

Что касается методов и форм научного познания, то здесь можно отметить такие методы, как метод абдукции; куматоидных объектов, компьютеризации, кейсов, исчислительно-объемный метод измерения информации, алгоритмический, структурно-тезаурусный, мозговой атаки, фрейма (сценария), метод «Дельфи», морфологический метод С. Цвикки и др.

Среди подходов XX век обогатился прежде всего системным. Несмотря на то, что ряд исследователей апеллируют к идеям Л. фон Берталанфи, когда он обосновал сущность этого подхода в 1962 г., все же системный подход к анализу экономики обнаруживается ещё у А.А. Богданова в его работе «Тектология». Именно на период становления постнеклассической рациональности выпало развитие системного подхода в его различных модификациях: общей параметрической теории систем А.И. Уимова; системно-структурного подхода; синергетического подхода Г. Хакена; кластерного подхода М. Портера.

Что подтолкнуло М. Портера на введение и применение кластерного подхода к анализу процессов информационной реальности и в чем заключается суть этого подхода? Анализ современной методологии раскрывает ее новую сторону: в ее содержании идет бурный процесс формирования конструктивной методологии, несмотря на то, что ее задачи обнаруживаются еще в процессе формирования инженерной деятельности и продолжают своё развитие в содержании неклассической рациональности. Этот концепт вводится в современную методологию с целью дифференциации сфер познания и проектирования. Конструктивная методология основывается на проектировании, конструировании новых человекообразных объектов, которые удовлетворяли бы потребности и человека, и социума. Целью этой методологии является «регламентация процесса культуротворчества для получения новаций как способа освоения мира и удовлетворения потребностей человека» [4, с. 68].

Конструктивная методология содержит в себе фундаментальное отличие от научной, которое заключается в синтезе теории и практики. Если целью научной методологии является регламентация научного познания для получения истинного знания, объективно отражающего явления и процессы природной и социальной действительности, то целью конструктивной методологии выступает не только объяснение природы объекта, но и его конструирование, поэтому в содержание цели этой методологии входит регламентация процесса культуротворчества для получения новаций, как способа освоения мира и удовлетворение потребностей человека. Если для научной методологии характерен объяснительный подход, то для конструктивной методологии – деятельностный подход, в ходе которого имеет место построение и реализация конкретной модели.

Конструктивная методология не представляет собой абстракцию чистой мысли – логику, она имеет дело не только с идеальными объектами, а включает в себя преобразования во всех сферах человеческой деятельности посредством конструирования артефактов материальной и духовной культуры. Это, во-первых.

Во-вторых, в содержании конструктивной методологии можно выделить два типа моделей - концептуальную и инструментальную. Концептуальная модель описывает, каким должен быть проектируемый объект, его значение и смысл введения в практику. Это теоретическая конструкция должного. «Концептуальная модель строится как понятийная сетка отношений на основе понятий, выражающих и объясняющих их гносеологическое назначение то есть смысл их введения в научный оборот путём формулирования проблемы и способа её разрешения» [5, с. 236].

Инструментальная модель – это система процедур по реализации концептуальной модели. Она выступает как система практического, нормативного знания оформления должного.

Кластерный подход как методологическая новация представляет собой новую управленческую методологию и технологию, которая основывается на конструировании системы взаимодействия различных сфер деятельности людей с применением эффектив-

ных элементов инновационного развития. Понятие кластер сегодня широко вошло в экономику, технику, политику, науку и образование.

Отмечая важность реализации инновационных стратегий для процветания страны Б. Обама выразил мнение о том, что кластерная стратегия обеспечивает динамичное взаимодействие между большими и крупными компаниями, университетами, финансовыми структурами и способна в конечном счете придать динамизм экономике государства в целом. Инновационные кластеры должны обеспечить конкурентоспособность США.

В европейском регионе кластерная стратегия рассматривается также в качестве инструмента инновационного развития. Это подтверждается теми фактами, что в июле 2006 года был принят «Манифест кластеризации в странах ЕС». А в 2008 году утвержден «Европейский кластерный меморандум».

Что же представляет собой кластер? Инструментально он представляет собой в экономике группу тематически объединенных компаний, производств и связанных с ними организаций науки и образования, которые действуют на основе взаимодополнения, достигающегося особой структурой – типом взаимосвязи. Характеристика кластера как особой структуры, особого типа взаимосвязи, позволяет утверждать, что он представляет собой сложную саморазвивающуюся систему, которая обеспечивает своё функционирование через взаимодействие входящих в него подсистем и приоритет в обеспечении функций системы в целом. Кластер как система имеет внутреннюю структуру, его элементы находятся в непосредственных и опосредственных связях, а так же в прямых и обратных «Именно прочность связей определяет параметры устойчивости кластера» [5, с. 387]. При этом необходимо учесть, что множество связей и взаимодействий между входящими в конструктивную методологию подсистемами, превращают кластер из простого набора этих подсистем в единое целое и определяют его системную природу.

В современной науке, технике и особенно, экономике инновационность становится обязательным атрибутом. В них основополагающую роль играет постоянное обновление и совершенствование хозяйственной деятельности, которое возможно только благодаря созданию интегрированных корпоративных структур нового поколения – информационных кластеров. Эти информационные кластеры объединяют в единое целое органы власти, финансовые, бизнес-сферы, научно-исследовательские центры, социально-экономическую среду, которые в единстве формируют ядро кластера, предстающего как система.

Как выше было отмечено, конструктивная методология и кластерный подход – это порождение постнеклассической рациональности. А можно ли к анализу конструктивной методологии, как относительно самостоятельному гносеологическому феномену, применить кластерный подход? Несомненно, можно. Если рассматривать методы, формы процедуры, подходы, задачи и результаты конструктивной методологии как подсистемы, то сразу обнаруживается, что они взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга при исследовании объекта, проблемы.

Кластерный подход в методологии базируется на системно-структурном и синергетическом подходах. Он применяется к анализу систем более высокого порядка. Здесь преимущества кластерного подхода заключается в инновационном развитии самой конструктивной методологии, внедрении в её подсистемы новых форм, методов и процедур познания.

Основные преимущества кластерной формы организации конструктивной методологии заключается в следующем: во-первых, в организации инновационного развития конструктивной методологии с целью повышения синергетического эффекта при поиске путей приращения научного знания; во-вторых, в повышении эффективности всех систем (методов, форм, подходов, приемов и процедур), входящих в эту методологию; в-третьих, в открывающихся возможностях реструктуризации элементов этой методологии как системы для её дальнейшего инновационного развития.

Таким образом, возможность применения кластерного подхода к конструированию смысло-соразмерного содержания конструктивной методологии позволяет стимулировать инновационную деятельность познающего субъекта.

Список литературы:

1. Бурак П.М. Философия и методология науки / П.М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2008. – 286 с.
2. Лешкевич Т.Г. Философия и теория познания / Т. Г. Лешкевич. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 408 с.
3. Яскевич Я.С. Философия и методология науки / Я.С. Яскевич, В.К. Лукашевич. – Минск: БГЭУ, 2009. – 475 с.
4. Старжинский В.П. Динамика науки и инновационное развитие / В.П. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск: БНТУ, 2013. – 391 с.
5. Старжинский В.П. На пути к обществу инноваций / В.П. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск: РИВШ, 2016. – 446 с.

Сумарокова Л.Н.

О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Обсуждение философских оснований методологии системных исследований стало одной из традиций Уёмовских чтений. Представляется интересным сопоставление системного подхода с классической, неклассической и постклассической философией (В.И. Фалько); с диалектическим материализмом и диалектикой; с дескриптивными и деятельностными (в т.ч. «ревизирующими») системами метафизики (К.В. Райхерт); с античными учениями (Е.Ю. Погонченкова, С.Г. Воробьев) [1, с.49, 73, 102, 184]. П.В. Кретов обратил внимание на связь смыслового поля современных холистических методологий с «проблемным полем философской антропологии» [1, с.229-231].

Моей задачей является продолжение анализа преемственности некоторых ключевых характеристик античной философии и философского фундамента общей теории систем в том ее варианте, который разработан А.И. Уёмовым. При этом следует отметить, что важен не только сам факт такой преемственности, но и его значимость для оценки теперешнего состояния и перспектив дальнейшего развития системных исследований.

К числу фундаментальных характеристик античной философии можно отнести признание приоритета Единого над множественным, общего над единичным, тождества над инаковостью и над различиями, необходимого над случайным, очевидности дедуктивного доказательства над очевидностью чувственного опыта. С.С. Аверинцев обобщил эти черты всего античного мировоззрения с помощью термина «дедуктивный рационализм» [2, с.10]. Это был опыт формализованного профессионального философского мышления, сознательно противопоставляемого обыденному, житейскому опыту и традициям. Первым уровнем формализации, который знаменует собой переход к научному мышлению, становится работа с терминологией – построение определений, классификаций, каталогизаций.

Античный рационализм – первая форма европейского рационализма, которая отличается от новоевропейского и современного рационализма тем, что дефинирование и классифицирование здесь «не просто служебный, подчиненный момент работы мысли, но одновременно и ее цель: прояснение «сущностей» в их статичном тождестве себе» [2, с.7].

В качестве другой, производной, но очень важной особенности античной философии отмечу ту ее черту, которую условно можно назвать античным «синкретизмом» или, может быть, «холизмом». Античный «синкретизм» – особая стадия развития философского мышления, когда онтологический, гносеологический, аксиологический, языковой (семиотический) аспекты уже различались, но еще не были отделены друг от друга и не стали предметами изучения отдельных разделов (или течений) философии. Дальнейшее варьирование акцентов философского внимания происходит как серия «поворотов» в последующей истории философии («методологический», «гносеологический», «аксиологический», «логический», «языковой», «практический» и т.п.). Античное мировоззрение именно с помощью своего дедуктивного рационализма еще сохраняло целостный взгляд на мир как космос и на философию как знание о нем. У Аристотеля проявлением целостности мира является иерархичность как способ упорядоченности форм по степени общности и совершенства.

Античный «синкретизм» в логике Аристотеля выступает как возможность понимать выражения: «нечто присуще чему-то», «нечто сказывается о чем-то», «нечто чему-то приписывается», «нечто утверждается или отрицается относительно чего-то» – дифференцированно, различая онтологический, гносеологический (мыслительный) и речевой аспекты, однако при этом не сомневаясь, что все они подобны и относятся к чему-то единому, сосуществуют в этом едином. Главная задача философии – видеть единое во

множественном, понимать, что общее и тождественное более ценно именно в силу большей причастности к единому.

Внимание к различиям, к единичному, индивидуальному, случайному, к недедуктивным методам познания, к внерациональному в последующем философском осмыслении мира было совершенно закономерным. Одним из результатов этого внимания явились установка на методологический плюрализм, субъективизм и усиление влияния скептицизма и нигилизма в философии. Все это, в конечном счете, вело к деструктивным процессам в мировоззрении и в осмыслении многочисленных практик, составляющих жизнь общества. Маятник развития самосознания общества неизбежно должен был начать движение в обратном направлении и вернуться к античному тезису «единое во многом». Однако вернуться не к его повторению, а к переосмысленному варианту этого тезиса, предполагающему взаимодействие сторон этого отношения, их изменчивость, отказ от поисков застывших, самотождественных, неизменных идеальных сущностей, воплощающих Бытие как Единое. Но возврат должен был быть в достаточной мере подготовлен: без накопления результатов применения локальных, «элементаристских», обобщающих и дифференцирующих методов он был бы невозможен.

Появление именно в XX веке системного движения, других форм холистической методологии было далеко не случайно. Системный подход, разработанный А.И. Уемовым, не был здесь исключением. В параметрической теории систем мы видим знакомые черты «дедуктивного рационализма» античности, и, в частности, внимание к дефинитивным и классификационным процедурам, а также наличие «античного синкретизма», о которых шла речь выше. Изложение своего варианта системного подхода А.И. Уемов начинает с анализа различных определений понятия «система», с построения своего определения, вернее, с признания факта двойственности определений системы, методологически весьма важного, с точки зрения автора [3, с.103-130]. Затем происходит введение понятия системных параметров как оснований классификации систем [3, с.141-176]. И, наконец, ставится проблема поиска теоретического и эмпирического путей обнаружения системных закономерностей [3, с.177-198]. Определение системы, и, тем самым, формализация процесса построения системной модели – необходимый начальный пункт построения общей теории систем, которая должна включать в себя как теоретический блок (дефиниция, классификация и параметрическое описание систем), так и деятельностный блок (методы построения, преобразования системных моделей объекта, аналитические и синтезирующие, обобщающие и конкретизирующие, сопоставительные процедуры, производимые над системными моделями с опорой на системные закономерности). Обоим этим блокам предшествует выбор философских оснований системного подхода, которые обозначены А.И. Уемовым как диалектика – в ее общем, конструктивном понимании, сложившемся в философии к XX веку.

О целостности системы говорят все теоретики системных исследований, однако только в концепции А.И. Уеова раскрывается механизм этой целостности – наличие иерархии трех уровней в любой системе и в любой системной модели объекта: первый уровень – уровень концепта (системообразующего свойства или отношения), второй – уровень структуры, подчиненный первому (он «подбирается», он должен «соответствовать»), и третий – уровень субстрата – то множество элементов, которое удовлетворяет структуре, непосредственно реализует ее, и тем самым, опосредованно «соответствует», «подчиняется» концепту. Эта иерархичность распространяется на онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты модели объекта как системы. Понимание этого отражено в принципах универсальности, относительности и многообразия, принятых в параметрической общей теории систем на ее метауровне [3, с.131-134]. Сами эти принципы дают основание утверждать, что было бы неверно отождествлять трактовку иерархичности в античной и современной философии. Наверху иерархии в системной модели объекта не ищутся какие-то абсолютные сущности «в их статичном тождестве себе»; напротив, концепты, относительно которых объект может быть системой, разнообразны,

подвижны и их выбор часто определяется жизненными мирами, ситуациями, характером решаемых теоретических и практических задач, шкалой принятия в социуме ценностей, целей, приоритетов. Альтернативные варианты концептов существуют исключительно в антропологическом измерении Бытия (Космоса).

Аналогично обстоит дело и с такой характеристикой, как античный «синкретизм». К тому, что сказано выше о сосуществовании и единстве онтологического, гносеологического и аксиологического аспектов системных моделей, можно добавить то, что касается языка системного представления объектов (ЯТО). Формула ЯТО обозначает и структуру реальной ситуации, и структуру мысли о ней, и структуру «знака-текста», выражающего данную мысль. Выражения: «предмету приписывается свойство», «предмет характеризуется свойством», «предмет обладает свойством», «предмету присуще свойство» – и, соответственно, выражения: «отношение реализуется в вещи», «отношение существует в вещи», «отношение устанавливается в вещи», – конечно же, различаются по смыслу, но первая группа выражений может быть объединена категорией свойства, а вторая – категорией отношения, в каких бы аспектах мы их ни рассматривали. В отличие от античного «синкретизма» здесь появляется новый аспект формул языка логики: они выражают взаимность отношения. «Вещь обладает свойством», но и «свойство присуще вещи»; «отношение реализуется в вещи», но и «вещь реализует отношение» – эта взаимность передается различием соответствующих формул.

Как отмеченное сходство и различие между античным и современным пониманием целостности сказываются на оценке современных системных исследований и их дальнейших перспектив?

Представляется, что «дедуктивный рационализм» античности должен быть здесь радикально преобразован в новую форму рациональности, где принципы системного подхода: универсальности, относительности, многообразия, взаимности и др. – найдут свое более последовательное применение. В частности, дедуктивизм должен быть заменен более широким диапазоном возможностей вывода, а аналитические процедуры построения и изучения систем должны быть дополнены процедурами синтеза системных моделей, процедурами оценки совместимости, оценки возможности сосуществования и коэволюции систем и их моделей. Отдельная проблема: соотношение эксплицитно заданных, фиксированных отношений, свойств и элементов в реальном объекте с остальными отношениями, свойствами и элементами (их совместимость, релевантность, иерархичность, степень конфликтности и т.д.). Заслуживает внимания проблема выявления аксиологического измерения трехуровневой модели объекта как системы, а также проблема возможности встраивания системной методологии в праксеологическую парадигму философского осмысления мира. Античный принцип «Единое во многом» должен быть понят как отношение «взаимное», то есть двустороннее и служащее сохранению и гармонизации целого.

Список литературы:

1. Уёмовские чтения I-IV (2013-2016): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова. / Философский факультет ОНУ им. И.И. Мечникова. – Одесса: Печатный дом, 2016. – 310 с.
2. Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма. / С.С. Аверинцев // Античная поэтика. – М.: Наука, 1991. – С. 3-26.
3. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. / А.И. Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бевзенко Любовь Дмитриевна – доктор социологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Украины.

Богатая Лидия Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Воробъев Сергей Григорьевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии познания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Галиновский Станислав Александрович – старший преподаватель кафедры философии и основ общегуманитарного знания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Зобенко Ксения Игоревна – аспирант кафедры философии и методологии познания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Казарян Валентина Павловна – доктор философских наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Кирилюк Александр Сергеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Одесского филиала Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины.

Кравчик Мария Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры искусствознания и общегуманитарных дисциплин Международного гуманитарного университета.

Леоненко Леонид Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры информационных технологий Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова.

Московская Екатерина Алексеевна – аспирант кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Нерубасская Алла Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова.

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова.

Райхерт Константин Вильгельмович – кандидат философских наук, доцент ка-

федры философии и методологии познания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Савусин Николай Павлович – методист департамента образования и науки Одесского городского совета.

Сумарокова Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального университета «Одесская юридическая академия».

Терентьева Людмила Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии познания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Фалько Владимир Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии (СГН-4 МФ) Мытищинского филиала Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

Швец Олеся Владимировна – соискатель кафедры философии и методологии познания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Шимко Анна Сергеевна – аспирант кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Шохов Александр Сергеевич – соискатель кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Щедрин Анатолий Трофимович – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры философии и политологии Харьковской государственной академии культуры.

УЁМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ V

(2017)

Материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова